

АННА
ТОМЧЕНКО

СПАСИТЕ ВЕДЬМУ
ИЛИ НЕКРОМАНТЫ
ЗДЕСЬ СКРОМНЫЕ

18+

Анна Томченко

**Спасите ведьму, или
Некроманты здесь скромные**

«Автор»

2023

Томченко А.

Спасите ведьму, или Некроманты здесь скромные /
А. Томченко — «Автор», 2023

Если ведьма что-то ищет, она это обязательно найдёт. Правда, Элис никогда не искала любовь, мужа, покровителя... Ей по душе всегда были неприятности. Про некромантов говорят, что если они что-то не могут найти, то выкопают это из-под земли. Грегори всю сознательную жизнь предпочитал туда это все закапывать. Он бы и несносную ведьму тоже прикопал, да вот беда... С ней он снова чувствовал себя живым. Или с ее неприятностями, которых в старом поместье стало прибавляться? Тут вам на выбор и заговоренные волки, и пожары, и потопаы. Один раз даже демона видели, правда недолго и полыхающим в костре. А любовь в тех краях тоже отличается крутым нравом. Если она решит облагодетельствовать одну чародейку и некроманта, то никого не спросит. Сама придёт, сама найдёт. А неприятности... Неприятности подождут.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 8	32
Глава 9	34
Глава 10	37
Глава 11	40
Глава 12	45
Глава 13	47
Глава 14	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Анна Томченко
Спасите ведьму, или
Некроманты здесь скромные

Пролог

– Элис, поторопись, – мужчина неловко толкнул девушку с сумками к порталу. Она уперлась каблуками в начищенный до блеска паркет, и звук скрежета по верахийскому лаку заставил содрогнуться всю прислугу.

– Папа, к чему эта спешка? Я даже не собралась, – недовольная брюнетка шлёпнула об пол самую тяжелую сумку с таким остервенением, будто бы желала проломить дубовые доски, к инфаркту старого камердинера. В руках она сжимала древко метлы, что была ее верной спутницей во всех пакостях. Девушка теребила отглаженное годами дерево, цеплялась за мелкие выщерблены и расковыривала их, как многие делают это с заусенцами.

– Если бы ты не довела весь город до белого каления, могли и подождать, – Тадеуш оглядел свою дочь с ног до головы. Сперва взглянул с укором, но потом вспомнил, что напоминать ведьме о нормах морали так же бессмысленно, как прикрывать оголенные груди девиц из Квартала Наслаждений. Невольно морщина между бровей стала углубляться. – Чем тебе не угодил младший герцогский сын? Зачем надо было насылать на него икоту? Теперь папаша носится по окрестностям и хочет твоей крови и прилюдных извинений.

– Этот напыщенный индюк сам напросился, – Элис с таким безразличием пожала плечами, словно каждый день герцоги жаждут ее ливера. В ее показном равнодушии сквозила обида. Она провалялась в поджатых губах, разглаженном нервными пальцами подоле и аккуратной прядке у виска, что дочь нарочито медленно заправляла за ухо. – Я предупреждала, чтобы он и не смел приближаться ко мне. Но там изначально извилин недобор, вот и приходится из раза в раз напоминать ему, что ведьма – это не портовая шлюха.

Мужчина закатил глаза к потолку. За столько лет он мог бы уже разглядеть свой мозг, но ему казалось, любимая наследница выжрала онный чайной ложечкой. Его дочь, самая несравненная, добрая девочка, временами становилась демонически злопамятной. И каждый раз это выражалось в очередном фокусе. Старуха Кли не выносила одного ведьминского вида и два дня квакала. Супруга сапожника, если честно, противная баба, посмела осуждать увлечения книгами и поплатилась кудахтаньем. Сын мельника... Ах, нет. Тут все хорошо, мальчишку Элис избавила от икоты. А герцогского отпрыска – наградила ей.

Тадеуш и Леси Гордон были магами, а дочь родилась ведьмой. Неплохой. Достаточно сильной и не глупой. И это ее ведьминская сущность, словно в насмешку над магами, везде ставила подножку. Неуживчивый нрав шёл в комплекте. И мужчина действительно опасался за единственного ребёнка, поэтому и отправлял ее подальше. Наберется опыта, займётся делом и, может, прекратит творить глупости, на которые девица была жуть до чего охоча.

– Папа... Ну, прекрати, – она капризно сложила губки и хлопнула своими глазищами, которые явно унаследовала от своей прабабки, а та была самым известным в семье манипулятором. – Ну что тебе стоит?! Ну, снимешь ты с него икоту, дашь отступных, и все уладится...

Если мужчина сомневался, то после отступных понял, что совершает правильный поступок. Дитя не знает цену деньгам, дитя заигралось и не хочет решать свои проблемы. Ведь

папочка рядом, он заплатит, прикроет, и она дальше продолжит творить всякие глупости. Ну, уж нет... Так не пойдёт. Дочка любимая допрыгалась.

– Элис, кончай ныть, бегом в портал, – он ещё раз подтолкнул девушку к светящему полотну в форме двери. – Отдай это своему нанимателю. Пересидишь в глуши пару месяцев, а потом все забудется, и я вернусь за тобой. А сейчас быстрее, портал не вечен.

– Отец, не поступай так со мной, – она не просила, она была настолько ошарашена, что забыла нотки нытья добавить в голос. – Мне не пятнадцать лет, даже не восемнадцать...

– Правильно! Целых двадцать четыре, у тебя степень бакалавра зельевара, а ты все равно ведёшь себя как ребёнок.

Элис шмыгнула носом и, обернувшись, уставилась на него изумрудными глазами. Мужчина не выдержал и прижал дочь к себе, поцеловал в кучерявую макушку. Ведьма ещё надрывнее засопела. Потом отстранилась. И он все-таки втолкнул ее в портал.

Дверь кабинета приоткрылась. Неслышными шлагами внутрь зашла белокурая женщина с заплаканными глазами. Сандал и ваниль пробились через бумажную пыль. Волосы были заплетены в две тугие косы. Тонкий стан облачен в строгое дымчатое платье. На груди и запястьях висели нити амулетов из природных камней.

– Тадеуш, – она бессильно рухнула в кресло, – ты уверен, что мы поступили правильно? Могли же замять это дело.

Мужчина встал из-за стола и приблизился к супруге. Провёл рукой по хрупкому плечу. Коснулся выющейся пряди волос у виска. Постоял. Отвернулся к бару и плеснул в бокал бренди, предложил. Женщина согласно кивнула.

– Леси, она должна вырасти, – он присел в соседнее кресло. – Пока мы будем и дальше разбираться со всеми жалобами, она не научится отвечать за свои поступки. А так... Она ведь уехала поработать. Не в гарем, не на каменоломни. Будет сидеть варить зелья, начнёт хоть маленько думать своей головой, а не перекладывать ответственность на наши.

– А ты точно уверен в нанимателе? – блондинка судорожно сглотнула огненную жидкость, едва не подавившись. – Вдруг он ей навредит, или хуже того...

– Хуже того – она ему может сделать. Это же наша дочь. Я бы боялся за здоровье и рассудок ее работодателя.

– А вдруг она опять найдёт неприятности?

Мужчина усмехнулся и лукаво протянул:

– Надеюсь, этот раз она найдёт нечто большее...

Глава 1

Грегори смотрел на девушку. Девушка смотрела на него. Под ее пристальным взглядом, из-под густых ресниц с изумрудами зрачков, хотелось поклониться и, вихляя задом, унести исполнять ее желания. Именно этот взгляд и дал понять магу, что перед ним ведьма.

Левая лопатка предательски зачесалась, потому что при мысли о чародейках, в памяти мужчины всплывал образ прабабки Гортензии, а не далее, как седмицу назад, покойная родственница приласкала его медным канделябром, угодив в спину. Он передернул плечами, отгоняя воспоминания ежеквартального общения с призраками и аккуратно, как коровий шмат из пасти дракона, утащил из пальцев девушки конверт.

Быстрая и отточенная годами учебы в академии техника чтения, что позволяла не вдаваться в метафоры, а вычленять главное, не порадовала. Мужчина ещё раз поднял глаза на девицу. Однозначно ведьма. Только они могут одним взглядом показать столько наглости и пренебрежения. И ещё только в их присутствии весь мир начинает петь: гиацинты зацвели, тюльпаны раскрыли бархатные шапки с чернильно-чёрными пестиками внутри, даже подорожник пробился через гравийную дорожку!

Грегори Стенли перестал любить сюрпризы после того, как стал вдовцом. Он вернулся со службы, а его супруга – нет. И это был самый поганый, жестокий сюрприз от мироздания. Каждый раз, как некромантская душонка предчувствовала очередной подвох судьбы, его охватывала тоска и уныние, а на задворках сознания расплескивалась злость и зубы! Зубы ныли неимоверно, хотя на них маг не жаловался. И сейчас, разглядывая напротив себя стройную, удивительно манящую брюнетку, с копной выющихся волос, он понимал, что снова прошляпил оплеуху рока.

Кобелиная сущность, что живет в каждом мужике и не дремлет, даже когда ее наступают сзади с бульжником, при виде недурственной чародейки взвизгнула в предвкушении. Мужчина, собрав все благоразумие в кулак, этим самым кулаком погрозил охальнику.

Была ли девушка красива? Скорее да, чем нет. Тонкие черты лица разбавляли припухлые губы, мягкий изгиб бровей, аккуратный нос с тонким кончиком, скулы, словно выточенные в мраморе умелым скульптором. Платье из синего атласа подчёркивало изгибы и выпуклости фигуры. И была во всем образе какая-то нотка нереальности, словно небожительница спустилась с небес, потому что ей отрезали крылья, а она всех нагнула и села на метлу!

Дружелюбная улыбка не натягивалась, челюсть светло. Девица, заметив мужские потуги быть более-менее хорошим хозяином, заломила бровь, словно натягивая тетиву эльфийского лука, а выстрелом послужила глумливая усмешка. Грегори стёр с лица доброжелательность, оставив, набившую оскомину, холодность. Ещё раз взглянул на письмо...

«...приглядеть за девочкой...», «...умна, злопамятна, сообразительная...», «...если с ее головы...»

Некромант был человеком сдержанным, в угоду своих талантов, но сейчас хотел разразиться такой многоэтажной тирадой в адрес старого друга своего отца, что только природная

выдержка, закаленная работой на погостах, а после – с нудными ведомостями о поголовьях упырей на одном городском кладбище, не позволили так ударить в грязь лицом. Ему не нужна ассистентка, помощница или головная боль. А вот получите! И никто вас не спросит. Держите в распоряжении половозрелую девицу, что пошатнёт вам не только рассудок, но и фундамент поместья.

Отбросив ненужные расшаркивания, Стенли ехидно, и не скрывая пакостного удовольствия, распорядился:

– Флигель слева от дома, это и рабочее место, и спальное. Там три комнаты: приемная – для клиентов и две – в твоём распоряжении. За едой будешь приходить в дом через чёрную кухню, ешь там или забирай к себе. Рабочий день начинается завтра в восемь утра, – он развернулся к двери дома и хлопнул ей, чуть не прищемив нос ведьме. – Ненавижу сюрпризы...

Фраза застыла в пустом холле.

Глава 2

Элис стояла на пороге и упрямо смотрела в закрытую дверь. Кто ее встретил – она не поняла, но явно осознала, что не понравилась этому кому-то. Почему-то девушке пришло на ум, что будь мужчина истинным рыцарем, он бы грохнул принцессу и спас дракона. Чисто из солидарности. По привычке.

Наглостью чародейка пошла в свою тетушку Клотильду. Небезызвестная родственница могла поразить даже крылатого ящера, летя ему на встречу и крича во всю глотку: «Задавлю!!!», поэтому раздосадовано оглядев свой увесистый скарб, Элис приблизилась к оконной железом двери, и стукнула со всей силы кольцом ручки по полотну. На слух девушка не жаловалась, сдавленные матюги с той стороны стали бальзамом в чае, и она, с удвоенной силой, продолжила долбиться. Когда ладонь запыхала, а костяшки пальцев недвусмысленно намекнули, что пора и честь знать, ведьма скрипнула зубами и подхватила вещи, гордо вышагивая по гравийной дорожке к своим апартаментам.

Так глупо она чувствовала себя лет в семь, когда во время званого ужина уронила пирожное себе на платье и полезла поднимать его с пола. Великосветская дама, что гостила у них, намеревалась хлопнуться в обморок, но нянюшка скрыла конфуз, уведя Элис в детскую. Тогда она не понимала, почему на обычную неуклюжесть последовала такая реакция. Это потом ей объяснили, что хорошо воспитанные девочки не роняют еду, и уж точно не скрежещут по паркету ножками стульев. Тогда – объяснили, и девушка поняла, насколько глупо выглядела. Сейчас объяснений нет, но знание, что так не проходит знакомство с работодателем, говорило само за себя.

Она воскресила образ брэнета у себя в голове. Мужчина был одет в чёрные брюки и темно-зелёный камзол. Из-под последнего выглядывала небрежно расстегнутая рубашка. Сапоги из хорошей добротной кожи, прям как у отца. А на вид нахалу – около тридцати лет. Чёрные густые волосы, остриженные по шею, слегка кудрявились. Аристократичное, без сомнений, лицо – приправлено гримасой отвращения. Чувство, что у мужчины отчаянно болят зубы. Он кривился при каждом взгляде на неё.

Пахло от него необычно. Как мастер ядов и противоядий, девушка обладала феноменальным нюхом, что самая натасканная псина обзавидовалась бы. Она затормозила и, прикрыв глаза, медленно втянула воздух носом: соль, пряность... Ветивер? Возможно. Чувствовалась в этом аромате какая-то инаковость. Она не могла припомнить мужского одеколona с такими ингредиентами. А голос оказался приятным: бархатный густой баритон, легкая хрипотца. Но манеры – подстать образу невоспитанного мужлана. Не подал руку, не назвал имени, не помог отнести вещи. К слову, именно из-за них Элис и брала крепость боем. Тетушка Кло называла такую категорию мужиков «собачьими потрошками», то есть мерзкими до зубного скрежета. Мнение старшей родственницы всегда оставалось для Элис основополагающим. И сейчас, вспоминая хлопнувшую дверь, девушка ещё раз убедилась в мудрости и проницательности двоюродной бабки.

Заозиравшись по сторонам, ведьмочка увидела флигель. Потёрла отшибленную руку. Она не была любительницей золочёной лепнины и пятиметровых потоков, но и какая-то дохлая пристройка к дому – тоже не была пределом ее мечтаний.

Дорожка из каменной крошки норвила вывернуть ноги. Девушка с кудрявой копной волос вечно оступалась, а каблучки подло разъезжались. Дверь у флигеля была не заперта. Она толкнула ее ногой и шагнула в холодный полумрак.

Щёлкнула три раза пальцами, и вверх взвились три светлячка, заклинание, что отлетает от зубов даже у пятилетки. Бросила сумки где стояла, и подошла к гардине. Смелым рывком отдернула, и задохнулась в пыли. Тяжёлая ткань штор оказалась не дымчато-винного цвета, а просто бордового. Такой хлам она видела в их доме на чердачном этаже и воспринимала как дань старым воспоминаниям. Но то был чердак, а это, можно сказать, приемная для больных, и странно, что держится в обветшалом состоянии.

Мысль, что здесь до неё никто не работал и не жил, пришла внезапно. Возможно, это место специально для прислуги было, тогда не удивительно, что пыль ровным слоем покрывает все поверхности. Подоконник особенно. Она тронула старые, ещё дубовые доски, и проступил отпечаток. Как в детстве захотелось нарисовать довольное солнышко, ну, или как в романтическом состоянии четырнадцати лет – расколотое сердечко. Не стоит отказывать себе в маленьких шалостях, поэтому через секунду на ведьму скалилось какое-то зубастое солнце с агрессивными выпученными глазами. А свои очи она направила в окно, с которого открывался вид на задний двор. Прошла к оставшимся двум. Одно выходило на сад, второе – прилегало к двери, так что ничего интересного там не оказалось. Оглядела помещение при свете дня. Большая приемная стойка. Рядом – ряд кресел, по виду удобных, но на деле – ужасных. Позади стояли картотечные шкафы и несколько стеллажей с книгами.

Маниакальное желание трогать форзацы книг было одним из пороков неуёмной экспериментальной натуры ведьмы. Ведь в книгах пряталась масса информации и попробовать хочется все сразу, плевать, что знаний не хватает. Она, тихо переступая с ноги на ногу, приблизилась к стеллажам и вдохнула аромат старой бумаги. В книгах даже пыль пахнет особенно, что уж говорить о запахе чернил. Провела тонкими пальцами по корешкам, запоминая самые провокационные названия. Какие-то были очень древними, как панталоны старой куртизанки. Некоторые написанные современниками, но от этого не теряющие своего очарования.

Из приемной вели две двери. Заглянула в левую. Небольшая кровать, диванчик, шкафы и камин. Правая оказалась гостиной, такая же по размеру. Вернулась за сумками и прошмыгнула в спальню, к шкафам.

Приятной находкой оказалась припрятанная внутри дверь, за которой скрылась маленькая ванна с уборной. Хоть что-то. Пожалуй, с таким набором удобств она справиться со своей работой, от предположений ополаскиваться над тазиком и бегать на улицу по нужде, девушку передернуло. Она была городским жителем и что для остальных роскошь, для неё – необходимость, в частности – санузел.

Присела на скрипнувшую кровать. Откинулась. И стала смотреть в потолок. В голове неслись мысли, и собрать все воедино не получалось. Плюнула на неблагоприятное занятие. Залезла в сумку с одеждой. Чуть не расплакалась. Собирала вещи мама, зачаровала сумки и уместила почти весь гардероб. Во второй нашла личные вещи, дневники с записями, пару книг по зельеварению, комплект инструментов. И много ещё нужной мелочевки.

Скрежетнула входная дверь. Девушка напрягалась и отбросила свёрток с косметикой на кровать. Мелкие шаги. Робкий стук в спальню. Ну, наконец-то он нашёл в себе манеры и решил нормально познакомиться. Самое глупое, что она могла сейчас сотворить, это прикинуться оскорбленной невинностью и закатить малюсенькую истерику. Но тетушка Кло шептала в левое ухо, что так делают бабы, которым кроме декольте предоставить нечего. А если тебе есть, что показать кроме прелестей, молчи и наблюдай. Из-за этого каркающего шепотка в голове, а ещё из-за старческих насмешек родственницы, Элис приняла решение следовать советам прожжённой интриганки Клотильды Матеуш, поэтому поправила волосы и отёрнула платье. Открыла дверь и замерла.

На пороге спальни стояла пожилая милая старушка. Пухленькая и опрятная. Серо-голубое платье и синий передник добавили образу сказочности. Седые волосы собраны в толстую кубышку на затылке. Морщинистое, светлое лицо и лёгкая укоризненная улыбка.

– Меня зовут Гретта, девочка, – старушка прошла в спальню и присела на диванчик.

– Очень приятно, – оторопело выдавила девушка. Она-то, конечно, понимала, что в гостях, но такой напор в компании с доброжелательностью немного обескураживал. – Меня Э... Алисия, но все близкие просто зовут Элис.

– Рада знакомству, – старушка душевно улыбнулась и похлопала по соседнему месту, зовя присесть. Садиться не хотелось, но стоять и не знать, куда засунуть вдруг начавшие мешаться руки, тоже было трудно. – Я – экономка этого поместья. Грегори отправил познакомиться и помочь устроиться. Показать дом, рассказать...

– Не думала, что ... – она не успела подобрать правильного определения хозяину дома, как экономке перебила...

– Ох, дитя, не обращай внимания на Грегори... – она отмахнулась, – временами мальчик бывает несносен. Но он хороший человек, хоть и скрывает это. А ты, значит, у нас будешь его новым секретарем?

– М-м-м... наверно, он ничего не сказал, – девушка ощутила себя полной дурой. Прибыла на работу, только не знает в качестве кого. Хотя после свинства, которое она прочувствовала благодаря сильному, но недалёкому полу, решила, что лучше пусть они ощущают себя идиотами. А Элис справится. – Меня отравлял отец, даже не сказав к кому и куда. Кстати, что это за место?

– Поместье Стенли, Вортиш, – девушка мысленно присвистнула. Ну да, папенька надёжно ее спрятал, аж на юг королевства заслал. Иртан, объединённое королевство, захватило себе и очень холодный кусок территории и почти самый юг, который славился своими лечебными водами и грязями и минералами. Последние просто обождали чахоточные девицы неопределённого возраста и вполне здоровые повесы, развлекающиеся на деньги папочек. Южной стороной Иртан упирался в Важейское море, богатое рыбным промыслом и торговыми путями, которые расходились в несколько стран.

Королевство было одной из самых значимых держав. На мировой арене оно занимало если и не первое место, то точно не последнее. Благодаря территории. Безумно много лет назад под флаги Иртана присоединилось несколько соседей, которые сначала просто были сюзере-

нами, а в дальнейшем стали неотъемлемой частью страны, принявшими и законы, и режим, и короля. Поэтому и полное название, хоть и неиспользуемое, звучало как Объединённое Королевство Иртан.

– А ты откуда будешь? Больно ты бледная, северная часть?

– Да, верно, – Элис немного смущённо улыбнулась, за исторической сводкой она немного выпала из беседы и сейчас крайне сильно опасалась показаться неуважительной к такой милой женщине. И тем более прервать беседу, потому что любопытство не принадлежало к числу ее добродетелей. А узнать как можно больше о месте, где ей предстоит работать, стоило. – Я из Кассоди, не самая Северная точка конечно, но лета у нас почти не бывает, весна и осень в основном, только снег месяца на три заглядывает.

– Ну, ничего, не переживай. Тебе у нас понравится. Здесь более короткие зимы и летние месяца на полгода растягиваются.

Старушка потёрла руки о передник, тоже смущаясь и не зная как начать разговор про дом и правила. Немного огляделась, наткнулась взглядом за шторы и охнула.

– Деточка, надо срочно отправить сюда служанку, пусть все приберёт, заменит гардины. А то больно давно здесь не было гостей.

– А много ещё людей живет в поместье? – как можно более непринуждённо спросила девушка.

– Нет что ты, – экономка всплеснула руками, – в основном слуги. Я, дворецкий Ганс, пару служанок, несколько кухарят, да и Грегори. Когда был жив старый Стенли, конечно поместье кипело жизнью, но уже давно мы не встречаем новых гостей. Когда студенческие друзья приезжают к мальчику – веселее становиться, а так...

Она вновь замолчала, словно утопая в воспоминаниях.

– А до самого города, да Вортиша, далеко?

– На карете и часу нет, – оторвавшись от собранных мыслей, уточнила Гретта. – Но Грегори тебя обязательно свозит, и сама убедишься.

Поговорив ещё какое-то время, Гретта решила устроить экскурсию по дому. Только выходить в сад не стала, а присмотрелась к архивным шкафам. Посчитав, что-то в уме, она со всей силы пихнула упитанным задом третий слева, и он развернулся поперёк. Протиснувшись в половину проема, девушка и экономка оказались в темной небольшой комнате.

– Да где ж она? – ворчливо посетовала старушка. Потом что-то щёлкнуло, треснуло и скрипнуло. Луч света прорезал пыльный воздух. – Флигель сразу был рабочей приемной, поэтому чтобы не бегать через сад, старый хозяин устроил потайной ход. Ты тоже не бегай, ходи так.

Девушка кивнула, в тайне надеясь, что ей пихать книжную полку не придётся, а то все-таки габариты разные. Сил не хвалит.

Они оказались под главной лестницей в холле. Гретта сразу начала показывать — куда и что ведёт. Наверху – спальный этаж, несколько гостевых комнат и кабинет. Внизу располагались лаборатория и оружейная. На первом этаже слева – кухня и комнаты прислуги, справа – гостиная, оранжерея, библиотека, комната отдыха.

Поместье Элис понравилось. Оно обладало неким шармом, присущим только старым домам. Мощёные камнем ступени, сухое тёплое дерево. Потрескавшийся местами паркет, помнил сотни туфель, что касались его. Дубовые балясины под слоем масла, которое впитало в себя тысячи прикосновений. Оранжерея, явно из прошлых годов, была отделана под старину и не имела ни одной глухой стены, лишь прозрачное стекло, которое пело под бликами солнца. Библиотека, хранившая миллионы знаний, запахи пыли и чернил, уют старомодных секретеров и тепло тканевых обивок на софах.

Всю дорогу Гретта не умолкала. Она расхваливала своего воспитанника, как пронырливый торговец ворованную лошадь. К обеду Элис узнала, что господин маг имел возраст тридцать лет, служил после академии магии при Департаменте Безопасности, а потом – на восточной границе. Сейчас же он занимался только делами поместья и держал аптекарскую лавку. На землях Стенли располагались несколько деревень, предгорья и озёра. Что странно, при такой большой территории к баронству или графству имение не относилось. Тут же экономка обмолвилась, что давно все-таки было баронство Дебро, но предок Грегори что-то учудил и его лишили титула, как следствие, и части земель. Это-то часть и сохранила статус, но сменила владельца и стала баронством Шантильи.

За разговорами, незаметно Алисия очутилась в кухне, где с удовольствием вкушала тушеного кролика. Женщина не оставила ее и здесь. Она все рассказывала, и это тоже нравилось ведьме. Гретта сама, как часть этого удивительного поместья, хранила в себе историю. Стало уютно. А чай с ромашкой совсем вверх девушку в сонную апатию. Но усилием воли, и под страхом лишних килограммов, Элис тактично узнала – может ли она прогуляться до леса. Указаний на этот счёт экономка не получила, поэтому младшая Гордон со спокойной совестью вернулась во флигель за метлой.

Однозначно, городскому жителю такое изобилие свежего воздуха и просторов вскружит голову. Алисия даже спустила метлу пониже к земле, чтобы, если потеряет равновесие, то кости сохранит в целости.

В то время как кассодийская природа только наливалась сочной зеленью, здесь, южнее, она всюду буйствовала изобилием ароматов и разнообразием цветов. Еловый бор наполнен стрекотом насекомых, что прятались в раскидистых папоротниках, трелями птиц, которые держали пушистые лапы елей.

Девушка ступала неслышно, едва касаясь носками закрытых туфель без каблучков елового опада. А когда раздавались шорохи шагов, то ловила возмущение настоящих хозяев леса. Она спустилась к зеркальному ручью, что блестящей лентой протянется вдоль полевой тропинки. Да, поле тоже было живым, наполненным природной силой и оно, почуяв ту, кто может слышать ее колыбели, всколыхнулась, взбурлила.

Сколько ведьма сидела у воды, она не помнила, но чувство глубокого единения с этим местом засело с груди. Она все вертела в голове сегодняшний день и не знала как поступить. Мириться с решением отца? Это снова ловушка. Как можно требовать самостоятельности,

когда ее не дают? Никак. Элис это понимала. А ещё своего отца понимала. Ей двадцать четыре, она бакалавр зельевара, мужа нет, семьи нет, случись что, она даже себя содержать не сможет, вот любимый родитель и старается ее как-то оградить от всего. А то, что он этой оградой не даёт самой жить, это дело мелкое. И он бы выдал её давно замуж, если бы чародейка так не противилась. В патриархальном обществе ещё не готовы спокойно смотреть на самостоятельную девушку, пусть и ведьму, поэтому из-под опеки отца можно перебраться только под опеку мужа. И никакие веяния ландийского суфражизма тут не пригодны. И снова встаёт извечный вопрос: «что делать?» Возможно, с этим магом стоит договориться, заработать денег, а когда ее исправительные работы подойдут к концу, тогда и перебраться в похожий городок и там открыть лавку зелий. Можно даже стать экспертом по ядам для полицейских участков. Да. Стоит рассмотреть именно эту ставку. И уточнить у тётки – как дальше быть.

В это время, пока девушка рассуждала, ведя одной ей понятные споры, весенний лес предстал в своём коронном обликии...

Свинство, не иначе, его заключалось в явлении молодого парня, что разрушил такой прекрасный момент. Он появился из ниоткуда. Ведьма его бы не заметила, если бы этот прохиндей не схватил ее за место пониже спины. Элис как раз завидела корень одного жутко редкого цветка и расковыривала его. И тут тяжёлые ладони легли на то место, что у обычных людей предназначено для чуйки приключений, а у ведьм – неприятностей.

В любой непонятной ситуации Алисия, как достойная воспитанница своей тётки, всегда сначала била, а потом уточняла за что. Но поскольку в компрометирующей позе извернуться достаточно быстро не удалось, девушка схватила то, что держала в руках и с разворота нацепила на уши парню. Тот опешил, разжал пальцы и, от неожиданности, сел на землю. Из-под комьев земли, что раскидистой лапшой повисла на блондинистой голове, на неё зыркнули янтарно-медовые глаза. Она могла поклясться любимой теткой пепельницей, что заметила в них всплеск первородного огня.

Парень гадливо выплюнул обрывок какой-то травы и начал вставать. Выглядело это более чем угрожающе, широкие плечи, атлетичная фигура и рост... Да, хороший рост, на полторы головы выше неё. Когда он, стряхнув с волос, которые на солнце блеснули оттенком чистой платины, остатки земли, открыл рот и начал низким, но довольно приятным голосом, высказывать, какая она психованная истеричка, девушка не выдержала.

Поскольку она была ведьмой до мозга костей, то и в этом деле всегда сначала проклинала, а потом тоже уточняла за что именно. Это в корне неправильно заставлять чародейку нервничать, ведь у неё может оказаться острый язык и недурственная фантазия. Вот и пожал прелюбодею икать, пока смерть не разразит его, девушка подхватила с земли метлу и, не разбирая воздуха, устремилась подальше от крикливого блондина.

Вернулась в поместье, когда солнце раскрасило небо нежным персиковым цветом. Устало рухнула в кровать, а потом, вспомнив про вещи, которые так и стояли в сумках, взвыла. Перевела взгляд на холщовую сумку, которую туго набила разнообразными травами и при случае отправит мамёнке, поняла, что рано отдыхать.

В дверь спальни тихонько постучали. Брюнетка встала с кровати и открыла. На пороге с печальным лицом стояла Гретта:

– Деточка, поднимись на второй этаж в кабинет Грегори. Он хочет поговорить.

Глава 3

Грегори лежал на маленькой софе в своём кабинете и бесцельно кидал резиновый мячик в стену. Письмо знакомого его не обрадовало, не развеселило и не угодило. Он бы может и хотел себе секретаря, но парня. Сильного, выносливого, умного, а не ветряную ведьму, которая прыг на метлу, и поминай как звали. Хотя бы постарше была, а то двадцать четыре года, да ещё и не работала нигде. Знакомый однозначно свинку подкинул, а на деле выходило, что телепортнул.

И дело было даже не в том, что девушка – ведьма, он к ним хорошо относился, хоть и не любил. Стоп, однажды, любил. Просто все упиралось в отсутствие опыта. И какой бы способной она не была, ей тяжело будет приноровиться к жизни такого беспокойного мага. Плюс, опять-таки, конфликт сил. Из письма стало понятно, что она не из тех, кто будет молчать, и если магия не справляется, так она со своим колдовском будет лезть везде, куда не нужно.

Магия и колдовство никогда не конфликтовали, но разница была большая. Маги могут преобразовывать энергию, ведьмы и колдуны призывают силы сущего, меняют направление рек, создают плодородные земли. Если маги занимаются наукой, то ведовство уходило корнями в шаманские обряды. Не плохо, просто они разные.

А ещё возраст, возраст...

Он с силой швырнул мячик о стену. Поймал. К драконам возраст, опыт. Тут важнее всего пол соискательницы. Не любил он таких папенькиных дочек, от них вечно одни проблемы, то с сердечными делами, то с моральными. Почему-то ведьма казалась хозяину поместья недалёкой и эгоистичной девицей. Симпатичная и умеет пользоваться своей внешностью, своим обаянием. И невероятное удовлетворение доставило магу ее обиженное личико, когда он не стал расшаркиваться в комплиментах и заверениях, что лучше помощника он и желать не смел. Если в доме ее отца все было направлено на лелеяние капризов мелкой чародейки, то у него в гостях это не приветствовалось.

Вот и прибывал магистр в смешанных чувствах. Нет. Не в смешанных, а в злых. Когда все идёт наперекосяк, его друг, скандальный режиссёр и маг иллюзий, всегда флегматично повторяет, что нужно расслабиться и получать удовольствие, можно даже выкурить косяк. И смотреть. Грегори не любил косяки, вот хороший табак и коньяк, пожалуй. Малодушие, а так же голос друга в голове нашёптывали, чтобы забил и спустился в библиотеку за алкоголем, так смотреть спектакль будет интереснее. А ворчливость толкала под руку и предлагала наслаждаться депрессией.

Не то, не другое не нравилось магу. А вот лежать и бесцельно швырять в стену мячик – нравилось, особенно если представить, что кидаешь скомканное письмо от друга. Хотя другом Тадеуш Гордон приходился его отцу, а не Грегори. Но воспитанный в порядочности мальчик не смел оказать. Даже на обед идти не охота. Хотя спуститься надо, познакомиться, а то с утра пораньше, только собрался в город, а тут под ноги такой подарок.

– Грегори, мальчик мой, – прошелестел голос из-за двери. – Спускайся к обеду.

– Я не голоден, – безразлично откликнулся мужчина. Если Гретта и становилась глуховата, то только не в такие моменты.

– А я пирог вишнёвый испекла, твой любимый, – просюсюкала женщина. – Спускайся...

– Я занят, поем вечером...

Мужчина промахнулся и угодил мячиком в косяк двери. Резиновый шарик победно шлепнул и полетел через стол в открытое окно. Вздох разочарования. А дверь начала истерично поскрипывать. Замочная скважина взвыла и на пороге, с разносом в руках, появилась экономка.

– Ах ты, несносный мальчишка, – ворчливо начала та, – сколько раз говорить, чтобы не смел пропускать обеды и ужины. Чего ты тут запираешься, как старый евнух...

– Нянюшка... – закатив глаза, протянул маг, – ну сколько раз говорить, если закрыто – не стоит ломиться. Это ведь мой кабинет...

– А ты – мой воспитанник! – грозно припечатала Гретта, бухнув об стол разнос с едой. Да так, что сахарница потеряла крышку. – А ну садись есть, эх, розг на тебя нет.

Грегори устало вздохнул и сел за рабочий стол. Экономка разгрестила рукописи, письма и отчеты, свалила все в одну кучу на краю. Мужчина закалил глаза: все утро разбирался в полицейских сводках, чтобы к обеду они опять стали бесформенной кипой бумаг. Она вытащила из передника тряпицу и пошла натирать подлокотники кресел. Зацепила раскрытую книгу и схлопнула ее. А он ведь не успел закладку оставить. Подошла к библиотечному шкафу и, стараясь повыше запахнуть старый фолиант, принялась подпрыгивать. Плюнула на безнадёжность и пристроила на полке.

Маг оглядел свой обед и понял, что есть все-таки хочет. Тем более кролик получился удачнее некуда. Пожалуй, за такое жаркое можно было простить Гретте ее бестактность.

– А ведьмочка получше тебя будет, – насмешливо протянула старушка. – Как позвала обедать, даже отнекиваться не стала.

– И как она тебе? – мужчина задумчиво взглянул на жирненький кусок мяса и положил его в рот.

– Неплохая. Скромная и довольно воспитанная, – во взгляде читалось: «не то, что некоторые...», – впервые на юге королевства. Очень понравилась твоя оранжерея...

– Твоя оранжерея... – саркастично перебил воспитанник. – Я давно перестал там выращивать ядовитые сорта, потому что ты то и дело норовишь нарвать там зелени на суп.

– Пусть так... – с усмешкой согласилась. – Показала ей потайной ход в дом. Ну не сверли меня взглядом. Зачем девчонке бегать по улице на кухню.

– И в лабораторию... – недовольно добавил брюнет.

– Нет, милый мой, – старушка заглянула под софу и вытащила оттуда несколько бокалов из-под коньяка. – Лабораторию, полигон, оружейную – сам будешь показывать. А то я опять склянки побую, кинжалы пороняю, а ты будешь дуться ещё месяц.

Мужчина довольно улыбнулся. Доел пирог, запил травяным чаем и потянулся. Встал из-за стола и развернулся к окну. Подвинул очки к глазам и ехидно протянул:

– А ведьмочка-то сбегает от нас, – на поле за помещьем стояла фигурка в синем платье и темном плаще. Она крутилась вокруг метлы, явно призывая ее к порядку.

– Ну-ну, – так же ехидно отозвалась старушка, – погулять пошла, ещё и уточнила – уместно ли это.

Грегори с сомнением приподнял бровь. Не видел он в юной чародейке такой сознательности. А к вечеру он про все это благополучно забыл, потому что готов был поспорить на вставную челюсть прабабки Гортензии, такого фееричного знакомства ведьмы и местного населения городок Вортиш ещё не видел.

Глава 4

От дома пахло тоской. Она оседала в темнеющих углах, что днём были разрисованы солнечными бликами. С наступлением сумерек поместье изменилось: исчезла вуаль старины, оголив неприглядные моменты запущенности, погрубели каменные ступени, спрятав очарование тёплых на ощупь пород, застонало дерево. Оно пело протяжно и обижено, царапало ладони, что касались перил.

На втором этаже полы шептались. Каждая доска ябедничала о том, что тонкий каблучок продавил мягкое покрытие. Стены холодили пальцы, как-будто рассказывая, что в подвалах надо открыть продушины, вытряхнуть ковры, распахнуть окна, выдуть этот сырой аромат. В витраже, что был напротив лестницы, замерли мутные пленки стёкол. Такие надо начищать водой с уксусом. Когда Алисии было тринадцать, они с матерью гостили у дальней родственницы в деревне. Там даже не дом был, а так, небольшой домик. И отсутствовала прислуга. Тогда они с мамой и готовили сами, и убиралась, и все-все делали своими руками. Элис помнит те стёкла, что по осени были уже с поволокой тумана, а из рам безбожно тянуло сквозняком и приходилось закладывать щели мхом, тогда становилось теплее. А по весне – убирать весь сор, разводить в воде уксус, добавлять несколько капель цветочного масла, чтобы перебить кислоту эссенции и намывать их. В тринадцать ведьма не знала, что они не гостили, а прятались, потому что работа королевского дознавателя была опасной и грозила в основном семье.

Элис отогнала воспоминания и разгладила подол платья. Постучала в дверь. Она не торопилась, переделась с темно-зелёный наряд с шоколадным кружевом на груди и заплела косу. Ещё не родился такой мужчина, ради которого она будет отказывать себе в маленьких радостях. Отец вечно злился, когда любимая дочь возилась до последнего перед важными мероприятиями. Злился, но ничего поделать не мог. Поэтому девушка предстала перед работодателем в очень благопристойном виде: атласное платье, вырез-каре, бархатные туфельки, минимум украшений. Она словила удивленный взгляд мужчины, что сидел за столом. Он как-будто впервые ее увидел: прошёлся от лица к тонкой шее, задержался больше приличного на декольте. От этого почему-то захотели вспыхнуть щеки, ну, или уши.

Девушка тоже не отказала себе в созерцании. В искусственном свете хозяин поместья казался старше, или это проклюнувшаяся щетина сыграла роль? Волосы темные, волнистые, жёсткие. И глаза – почти тьма, что окутывает, притягивает, а в глубине ее – искры интереса? Удивительно тонкие пальцы, но кожа на вид грубая, словно в привычке рук этих, держать не смычок скрипки, а полуторный меч. Домашняя рубашка с распахнутым воротом, под которой скрывалась атлетичная грудь.

Алисия признала, хорош. И маг знает это. Прекрасно осознаёт, что нравится женщинам. Не была уверена, что пользуется таким преимуществом, но по ехидной усмешке, что коснулась уголка губ, поняла – пользуется. Встретясь они при других обстоятельствах, этот мужчина заинтересовал бы дочь бывшего королевского дознавателя.

– Госпожа ведьма, вы знаете этого человека?

Тут ведьма заметила причину столь позднего разговора. Блондин сидел, нахохлившись, зажав руки в подмышках. Нетрезвый взгляд гневно пытался прожечь то Стенли, то ее. Надо же, а без физического превосходства он не был таким высокомерным.

– Нет, – голос мягкий и надменный. Словно в насмешку, она сложила руки на груди, тем самым подчёркивая эту грудь. Чтобы добить собеседников, ещё и вызывающе вздёрнула бровь.

– Вре... Ик... Врет! – задохнулся, то ли возмущением, то ли икотой поздний гость. – Это... ик, она меня прокляла в лесу.

– Мы с вами на балах не расшаркивались и на брудершафт не пили, чтобы вы стали мне знакомым, – вяло и безразлично парировала Алисия.

– Госпожа ведьма, – баритон бархатный и легкое касание к бланпа на цепочке с причудливой вязью, – это ваше проклятие висит на господине?

Отвечать не имело смысла, второй ведьмы в кабинете не водилось. Маг точно уверен, чьих рук это проклятье, поэтому младшая Гордон лишь пожала плечами.

– Может быть, окажете любезность... – он не договорил, указал глазами на блондина и откинулся на спинку кресла, надеясь досмотреть спектакль. Девушка не разочаровала:

– Оно само пройдёт, когда он раскается.

– Ты должна его... ик, снять! – приказал блондин.

За собой Элис никаких долгов не помнила, более того, была уверена, что за все значимые: дочерний и религиозный – не успело набежать процентов.

– А за что проклинали? – проявил любопытство Грегори, подавшись вперёд и сцепив руки в замок. Оперся на них подбородком. – Ну же, Эрик, может вы?

– Она налетела, ик, на меня, ик. Отлупила, ик, и прокляла... ик. Я, ик, ничего, ик, не делал...

– Вы не только рукоблуд, но ещё и сказочник? – фальшиво удивилась девушка. Маг зло сверкнул глазами на проклятого. Выдохнул.

—То есть вы не можете отменить своё проклятие? – с маской поддельной добродетели спросил мужчина. Элис стало неуютно от этого неотрывного взгляда бездонно-чёрных глаз, как озёрные омуты, в которых так любят топиться чахоточные девицы. Но напомнив себе, что она – ведьма и дочь дознавателя, у которого в арсенале были гримасы поужаснее, девушка задрала подборок, намекая на отрицательный ответ.

Мужчина пожал плечами. Прошёлся своими музыкальными пальцами по краю столешницы, выбивая ритм незнакомой мелодии, а потом Элис вздрогнула. От прикосновения к чужой, такой непонятной магии, у неё внутри все свернулось клубком. Аромат сырой земли, багульника... Пряный вкус гвоздики, что раздражает кончик языка...

Эрик дёрнулся и запрокинул голову. Его трянуло. Сквозь зубы он выругался, а из носа пошла кровь. Алисия ошарашено следила за метаморфозами, что настигали блондина. И ёжилась от холода, который разлился в кабинете. Ее работодатель со скучающим видом снимал проклятие.

– Прекратите, – не выдержала ведьма. – Зачем вы... Ему же больно...

Незнакомая сила схлынула, повинувшись магу. Она сворачивалась в тугие кольца, оседала на предметах мебели. Она пахла так дурманящее-приятно, но теперь ощущалась на губах прикусом крови и пепла.

– Вы ведь отказались снимать...

Элис плюнула на принципиальность. Ее проклятия не убивали, а вот маги, что пытались разрушить ведовские путы, вполне. Она коснулась сознания блондина, тот был в порядке. Выдохнула. Сочный вкус травы в начале лета, осока... Колодезный родник, чья вода сковывает зубы. Ее сила полноводной рекой заполняет пространство. Она чужда для этого дома и он, распробовав ее, тяжело вздыхает. А следы и ключья магии его хозяина скручиваются корабельными жгутами, отползают, как сытые змеи. Алисия стискивает зубы, чтобы не потянуться к ним, чтобы не приоткрыть завесу тайны, узнав какой дар у ее нанимателя. Сдерживается, отступает и осторожно стягивает с парня вязь своей силы.

– Подождите в коридоре, – холодно бросил Стенли. От голоса, что колоколом звенит в голове, хочется укрыться руками.

Ведьма дрогнувшей рукой коснулась дверной ручки. Вышла и опёрлась о стену. Ее наниматель, видимо, тот ещё псих, если, несмотря на конфликт сил, стал снимать проклятье. Или это был хороший урок, преподанный исключительно ей?

Дверь открылась внезапно. Взъерошенный блондин смерил ее насмешливым взглядом. От этого захотелось его вновь проклясть или, на крайний случай, благословить. А благословение в устах ведьмы, это тот ещё подарок.

– Стерва, – выдохнул он.

– Стукач, – не осталась в долгу девушка.

– Ведьма! – передумал он, и Элис заметила, что с такой интонацией обычно бросаются куда более обидными словами.

– Помни об этом, когда в следующий раз захочешь кого-нибудь облапать. Она тоже может оказаться ведьмой...

Он ничего не ответил. Вздёрнул подбородок и пошёл прочь. А из кабинета прозвучал голос нанимателя:

– Прошу...

Глава 5

– Демонстрация силы была не обязательна, – все-таки хлопнув дверью, сказала ведьма. В изящном движении присела в гостевое кресло, закинув ногу на ногу. Платье, не привыкшее к таким поворотам, задралось и оголило девичью ножку. Грегори не оставил это незамеченным и красноречиво огладил взглядом. Девушка почувяла интерес, и нет бы, как любой порядочной девице, смутиться. Нет. Она лишь удобнее устроилась.

– Я не приглашал вас присесть, – намекнул маг, в душе смеясь над этой строптивой чародейкой. А ведь она быстро пришла в себя от прикосновения к его силе. Интересно, распознала, что перед ней некромант? Или опыта недостаточно, чтобы так, по первому всплеску, определить принадлежность дара? Или все это было спровоцировано с одной целью, которую чародейка достигла?

– Мне не нужно приглашение от мужчины, который не потрудился встать, когда в комнату вошла девушка, – огрызнулась она, улыбнувшись и показав ровные зубки. Такими и загрызть недолго. А некромант внезапно осознал, что в этой жизни можно вынести все что угодно: покойника в тяжелой домовине, урок из разбитого носа, даже ссылку, но точно не ведьму в расцвете сил.

– Вы на меня работаете, – тонко напомнил Грегори, подводя к мысли, что в их профессиональных отношениях не бывает мужского и женского. Лишь работодатель и подчиненный. Но ведьма не оценила.

– Если мне не изменяет память, – она задумчиво уставилась в окно за его спиной, – работаю я на вас с завтра, с восьми утра. А сейчас я, наверно, гостя...

– И как гостя вы решили высказать ваше ко мне уважение, разбрасываясь проклятиями в разные стороны?

По большому счету девчонке повезло, что она нарвалась на Эрика. Градоправительский сынок хоть и был поганцем редкостным, но, зная список собственных прегрешений, не стал устраивать скандал. Приехал и поставил перед фактом: вот – я, и вот – проклятье. Но это не означало, что Грегори спустит оплошность с рук. Он встал и развернулся к окну. Ему казалось, что так он будет выглядеть внушительнее, но на самом деле просто не мог победить желание рассматривать ее оголенные щиколотки.

– Вы и дня не провели в моем поместье, а уже доставили неприятности, – солнце скрылось за деревьями, и вечерняя прохлада тянулась в кабинет тонкой струйкой. – Вы должны понимать: я не буду исправлять ваши ошибки, не стану выплачивать отступные или вытаскивать из неприятностей. Я – не ваш отец...

Отодвинулось кресло. Стук каблучков по паркету, шорох юбки. Она подошла и тоже взгляделась в вечерние сумерки. Аромат яблоневого цвета с горечью миндаля щекотнул нос. Это ее духи или так пахнет сила ведьмы, которая и есть первозданная жизнь?

– Да, вы не мой отец, – она облизнула губы, что в сумраке сияли алыми всполохами, – поэтому нам лучше договориться, чем портить жизнь друг другу.

Грегори шагнул резко. Так, чтобы между ними не осталось свободного пространства. Он надеялся этим смутить чародейку, но на ее губах лишь расцвела лукавая усмешка. Маг вздёрнул бровь и, как бы проверяя на смелость, коснулся подбородка, заставляя девушку поднять глаза. Пальцы нещадно опалило жаром, а по крови разогналась огненная волна.

– Наглая? – не отрываясь от блеска изумрудных глаз, в которых плясало ведовское пламя, спросил мужчина. Ещё один шаг в пропасть, чтобы самому оказаться объатым эхом ее колдовства.

– Честная... – выдохнула девушка, и от дыхания ее, которое коснулось мага, стало ещё жарче. Он мог поклясться, ведьма тоже чувствует этот огонь и провоцирует. – И по-честному предлагаю взаимовыгодное сотрудничество.

Она не отстранялась, словно испытывая на прочность порядочность одного взятого мужчины. Знала, что раззадоривает, но игра увлекала. Грегори тоже умел играть. Шагнул ещё ближе, почти соприкоснувшись телами. Шепнул, наклонившись к шее:

– Над чем ты сейчас работаешь?

– Яды и противоядия, – томно, с придыханием, ответила ведьма, положив свою тонкую ладонь ему на грудь. Пальцами провела от одной пуговицы к другой, задержалась, крутанув, пытаясь расстегнуть. Грегори мог поклясться, что у него помутнело в глазах, а по крови разбрелась волна неконтролируемой силы. Он смежил веки, убеждая себя, что это всего лишь колдовство девчонки так на него действует, ведьмы – они такие, воплощение жизни в высшем ее проявлении, а ему, как магу смерти, ее отчаянно не хватает, вот и пьянеет от близости.

– В таком случае, тебе будет интересно взглянуть на мою коллекцию, – предложил Стенли, отстранившись, а потом и вовсе сев в кресло. Девушка опёрлась бедром о край стола и, не меняя выражения лица, уточнила:

– Настолько большая? – прозвучало с каким-то нецеломудренным намеком.

– Редкая, – счёл важным подчеркнуть мужчина, разгоняя вязкий туман в голове.

– Почту за честь, – благосклонно отозвалась ведьма, не сводя с него глаз.

Грегори заметил, что их разговор перетекает отнюдь не в проповедь о нравоучениях, а в дружескую беседу. Ведьма показала характер, он взбрыкнул и надавил силой. Скорее всего, да, им проще договориться, чем портить жизнь друг другу. И подкупала эта безрассудная смелость девчонки. То ли воспитание дознавателя давало такие плоды, то ли ведовская сила. Как бы то ни было, но раздражения к ней он больше не чувствовал. Азарт? Возможно... Симпатия? Почему бы нет.

– Сколько тебе лет? – мужчина следил за тем, как ведьма мягким шагом ступает вдоль книжных шкафов, шелест юбки и шорох касаний к форзацам книг.

– А сколько дашь? – она оборачивается, и объемная коса темно-русых волос падает с плеча, свисая по спине. Изящные, выющиеся пряди у висков подчеркивают хрупкость шеи и молочную кожу.

– Нисколько не дам... – Грегори откладывает часы на стол и проходит к столику с алкоголем. Хрустальные графины с коньяком и виски, изящные бутылки эльфийского вина. Он проводит пальцем по каждой из них, выбирая, что предложить девушке, и останавливается на яблочном игристом с цветочным ароматом. – С вами, ведьмами, ни в чем нельзя быть уверенным, а в возрасте и подавно.

Она усмехается и принимает из его рук фужер с напитком. На мгновение тонкое прикосновение кожи к коже, и мужчина снова ощущает эту нереальность происходящего – кровь закипает, и опьянение, как-будто после двух бутылок коньяка.

– «Блариан»... – после первого глотка произносит девушка, проводит кончиком пальца по стеклянному ободку, заставляя хрусталь запеть, медленно облизывает губы. – Десять лет, не меньше. Только в этой долине делают яблочное вино. Это север, виноград не растёт, спасаются зимними сортами яблонь, а настаивают вместе с каплей мёда, отсюда цветочный аромат...

– Похвально, – Грегори садится напротив, в кресло. – Так...

– Двадцать четыре, – прерывает ведьма, все же вернувшись к его вопросу, но только затем, чтобы задать свой. – А тебе?

—Тридцать, – спокойно сообщил мужчина, а девушка, глотнув ещё вина, продолжила:

– Что ты делал в моем возрасте?

– Подавлял восстание на восточной границе, – он салютует толстостенным бокалом и отбирает инициативу. – А что ты будешь делать в моем возрасте?

– Открою лавку эликсиров, заведу черепаху и буду курить трубку.

– Почему черепаху? – купился маг.

– То есть остальное не вызвало вопросов? – улыбается она по-разному: как сейчас, озорно и открыто, словно деревенская девчонка-задира; как в начале вечера – лениво и презрительно. Наверно, у неё в запасе ещё ни одна улыбка и странно, что Грегори хочет увидеть их.

Все вызвало вопросы, но задать тот, который интересовал, Стенли ещё не мог. Они не настолько близки, чтобы ведьма честно ответила, есть ли у неё в планах замужество, потому что сильно подозрительным выглядит ее прибытие. И Грегори допускал эти мысли, в частности, у ее отца, который вполне мог планировать за неё.

– Вызвало, но черепаха – это не сильно эпатажно? – теперь он рассматривал девушку с познавательным интересом.

– Я – ведьма, какого ещё мне питомца заводить, чтобы подчеркнуть свой статус? – она лукаво щурится.

– Чёрный кот?

– Банально... – Элис отмалчивается и вдруг посерьёзневшим голосом отрезает веселье. – Спроси, ты же хочешь...

Она не глупа – это плюс. Прямолинейна... Возможно, минус.

– Почему ты так решила? – не на лице же у него был этот вопрос, правда?

– Все спрашивают. А я всем отвечаю, что не создана для брака, такие как я, предпочитают быть счастливыми.

– А брак и счастье это взаимоисключающие понятия?

– Для меня – да, – она вглядывается в прозрачно-янтарную жидкость. – Я не знаю как от опеки отца сбежать, но под опеку незнакомого мужика точно не пойду.

– А если ты влюбишься?

– Маг, ты разве не знаешь, что ведьме найти неприятности в сотни раз проще, чем один раз повстречать любовь?

Грегори предполагал, что девчонка просто не там ищет, или не то.

Через полчаса, когда он узнал все, что нужно было для работы, чародейка направилась к себе. Почти на пороге маг заметил:

– Туше, госпожа ведьма, – намекнул, что он согласен договариваться.

– Элис, – равнодушно предложила ведьма, – и я предпочитаю шах и мат, господин маг...

– Грегори... Зови меня Грегори...

Дверь мягко притворилась, а в кабинете ещё стоял тонкий, неуловимый аромат яблоневого цвета с горчинкой миндаля. Грегори залпом осушил бокал с алкоголем и откинулся на спинку кресла. Потёр глаза. В голове такая безрассудица бродит, что проще не садиться за дела, но некромант упорно открывает футляр с перьевыми ручками и вытаскивает толстую бумагу с тиснением. А через час, решив прогуляться по саду и проверить чем занята ведьма, Стенли встречает у себя на пороге седовласого мужчину. Мысль, что все же не успел проверить защитные чары на флигеле, мелькает, как крысиный хвост в норке. И прокуренный баритон взрезает сумрак тёплой ночи:

– Я за покойницей, отдашь?

Глава 6

Шериф Френк Тальбот был обстоятельным и немного педантичным мужчиной аж пятидесяти шести лет. Его тщательность заключалась в нежелании ничего решать на бегу. Если он брался за дело, то подходил к нему неспешно, присматривался и принохивался, как старый матёрый кот. Суетность презирал, и терпеть не мог своего судмедэксперта, который, как по шутке судьбы, был полной его противоположностью.

Педантизм полицейского доводил до ручки, безумия или виселицы многих. Но только благодаря ему он сидел на самой вершине исполнительной власти в Вортише. Его маниакальность, с какой он вёл работу, толкала подчинённых к сердечным приступам. Только из-за этого он до сих пор работал в глуши, а не занимал пост высокопоставленного полицмейстера в столице. Он не расстраивался по этому поводу и часто шутил, что лучше быть лебедем в маленьком озере, чем чайкой в неохватном море.

А ещё мужчина обожал курить трубку. Не сигары, как сейчас принято, а именно трубку. В этом процессе тоже можно было лицезреть его сосредоточенность. Он всегда садился в одно и то же кресло в библиотеке Грегори, вытаскивал из-за пазухи табак и приступал неспешно к делу. Не отвлекался на предложенный хозяином джин до тех пор, пока не начинал тянуться серый дымок к открытому окну.

– От тебя никаких новостей, дай, думаю, сам загляну, – зажимая зубами трубку, сказал он и забрал со столика стакан. – Ничего нового?

Грегори опустил в кресло напротив, взял стакан с алкоголем и пристально уставился на немолодого мужчину. Тот улыбался, а глаза оставались холодными. Вместе эта пара составляла жуткое зрелище. Но при всех профессиональных деформациях, шериф был хорошим человеком. Наверно, единственным, кто в этом городе пытается добиться правды. И пусть его грубоватая манера общаться многих отпугивает, но именно он был рядом, когда Грегори не знал, что делать со всем свалившимся: наследством и смертями.

Отец ушёл, когда Грегори было двадцать. Нелепая смерть застала врасплох не только самого Стенли, но и его наследника. Свалиться с лошади в овраг. С учетом того, что старик был более чем хорошим магом, это вселяло недоверие. Как бы то ни было, никаких следов насильственной смерти: от бешеной стрелы, застрявшей в рёбрах, или яда – не нашлось. Искали тщательно.

– Я перепробовал все, что можно, – грустно признался хозяин дома. – Эта смерть не отличается от предыдущих. Не убийство, не отравление, а простое стечение обстоятельств. Не мне тебе рассказывать. Тело подозрительно кажется правильно умершим. Ну, разрыв сосуда, подумаешь, девчонке нет и двадцати, плохая наследственность, так сказал твой эксперт?

– Моему эксперту руки оторвать и засунуть... – зло процедил он. – Эта скотина играет на несколько ворот, его невозможно выкинуть из участка, он пользуется большой любовью у градоначальника. У них какие-то денежные дела. Вместе вложились в строительство сети гостиниц. А почему ты сказал, что «кажется»?

Маг поморщился... Он не мог объяснить всю ту череду из мыслей, предположений. Просто чувствовал гаденькую неправильность событий.

– Я всего лишь некромант, который осматривает трупы и поднимает их, если это возможно, – он развёл руками, чуть не расплескав алкоголь. – Я могу их допросить, узнать последние события, но не более.

Некромант сам не понимал, что его настораживает в смертях молодых девушек. Они не похожи друг на друга, причины смерти все разные: разрыв сосуда, анафилактический шок,

тромб, поножовщина в борделе, ограбление. Да, все это может просто так случиться. Но почему только с девушками? Почему с большой натяжкой, но прослеживается цикличность?

– Я не королевская ищейка, – подумав, все-таки продолжил маг, – мне не доступны последние мысли умерших, воспоминания – возможно. Хотя тоже не мой профиль...

– А чей? – словно почуяв след, подобрался шериф. Бокал с джином переключился на подлокотник.

Стенли призадумался. Менталист в таком деле не помощник, они с живыми работают. Может быть, помогли бы прорицатели или провидцы, но и те больше вперёд заглядывают. Как вариант, колдуны. Но в их чародействе маг мало, что понимал. Эту мысль он и озвучил.

– К слову о колдунах... – Френк многозначительно замолчал, давая Грегори самому додумать. То, что седовласый интриган уже в курсе, не оставалось сомнений. Интересны были подробности, но Стенли сразу решил пояснить, почему нет.

Маги и колдуны, по негласному правилу, пережитку старых времён, условно делились на светлых и темных. Отличий, как таковых, не было. Только к тёмной относилась магия крови. Право на возможность работать с ней. Некроманты, экзорцисты, демонологи и, как бы безумно не звучало, целители, априори, были наделены им. Их работа отчасти базировалась на кровавых ритуалах. Колдуны и ведьмы же должны иметь лицензию. Чародейка, которая практикует некромантию, а такое не редкость, получала разрешение на свою деятельность и обязана была подтверждать каждые три года квалификацию. Почему такая дискриминация? Потому что их способности вполне могли и не зависеть от магии крови. Вот как, например, целителю вытаскивать магическое проклятие, кроме как не прибегнув к крови? Никак. А ведьмы могли быть просто ведьмами, без крови они находили себе работу в любой отрасли: зельевары, противоядия, флора, фауна, геология, предсказания. У них всегда есть выбор, а вот если маг родился экзорцистом, он ни с чем другим и не сможет работать, артефакторика и прочее не считается. И чем сильнее колдун или ведьма, тем больше шансов, что ее возможности позволят ей коснуться тёмной магии.

Но одна конкретная чокнутая ведьма была светлой, уровень дара нормальный, не завышенный. Некромант бы сказал посредственный, но побоялся сам себя сглазить, потому что посредственная ведьма, она все равно ведьма. И в данном вопросе от неё помощи не будет.

– Хорошо, а сам-то ты, что думаешь про эти смерти? – снова спросил шериф, в надежде выдавить из Грегори хоть какую-нибудь подсказку.

– Если бы это были ритуальные убийства, мы бы наблюдали менее привлекательные посмертия, хотя вот помнишь ту девушку, что зарезали полгода назад в доках? – начал вслух рассуждать мужчина. – Это похоже на ритуал, но слишком корявый, незаконченный... Если бы это было серийей, то точки соприкосновения тоже были бы, а кроме того, что просто все умершие – девушки... Притянуто, согласись?

Седовласый согласно кивнул.

– Я склоняюсь к версии, что это – накопление силы, – Френк изогнул бровь, требуя пояснения. – Смерть, сама по себе, это огромный выброс энергии и, если в городе припрятался маг средней руки, в меру тихий и неприметный, то, возможно, таким образом он наращивает свой потенциал. Силу можно надолго запечатать в амулетах и артефактах. Это единственное, что более-менее складывается. Но история пахнет старым склепом. Ты не думал отписать в столицу?

Тальбот отрицательно покачал головой. С какой-то тенью усталости в глазах объяснил:

– Не факт, что откликнутся, а если сподобятся, то проверять местное магическое сообщество устанут. Не вижу в этом смысла. Сами разберёмся.

– Расскажи мне о серийных убийцах? – попросил Стенли, а сам тем временем прикидывал, как отреагирует шериф, если он, воспользовавшись дружескими связями, сам напишет в столицу.

– Серийные убийцы... – седовласый постучал трубкой о подлокотник.

Серию всегда отличает повторение. Что-то общее у жертв. Так один умалишённый из раза в раз выбирал среди толпы народа тучного мужчину и, заводя в подворотню, перерезал горло. В каждом он видел своего отца, что в белой горячке зашиб мать. Или, например, девушка – божий одуванчик, убивала женщин в возрасте, потому что видела смерть своей воспитательницы в приюте. Серийные убийства – это набор косвенных факторов в каждом отдельном случае, указывающих на личность убийцы.

– То есть начать расследование по этой формулировке ты не можешь? – Грегори подпер подбородок кулаком.

– А как? – собеседник отложил трубку и вытащил кيسет с табаком. – Помнишь Розалинду Керро? Она первая и заявила, что ее дочь была убита. Женщина пришла в участок с заключением лекаря, в котором говорилось о разрыве сосуда, и медицинским формуляром дочери, где в истории болезней ничего подобного не было. Я засомневался, лекарь мог пропустить, недоглядеть. А потом семья Флиссман и мать семейства. Тогда муж умершей ночевал под стенами участка. Или вот девочка мамыши Бонти. Зарезали во время драки. Как, Грегори? Как я должен объединить эти смерти в серию? Что общего у молодой благопристойной девицы и продажной девки? И то, ещё надо доказать, что смерти по естественным причинам – это убийства.

– Когда это началось?

– Керро первые. Три года, – мужчина пыхнул трубкой и кустистые брови сошлись на переносице. – Но это тот случай, когда обратились в участок, а сколько других... Видишь, даже отследить где было убийство, а где почечная колика – невозможно. И способ. Вот ты знаешь мага, который без прикосновений, амулетов, заклинаний может вызвать разрыв сосуда?

– Так не бывает, – согласился некромант и упёрся взглядом в растянутый воротничок рубашки шерифа. А он нервничает и больше обычного, даже теребит одежду, что для его педантичной натуры почти приговор. – Любая магия оставляет след. Значит, убивал не маг или колдун.

Мужчины замолчали. Шериф прошёлся по библиотеке, рассматривая форзацы книг. Шикарное собрание в доме Стенли. Да и само поместье, как бельмо на глазу у градоправителя. Он уже не раз предлагал Грегори уступить его за баснословные деньги. Если, как тот планирует, проложить железную дорогу, то поместье не впишется в картину. А Стенли принадлежит не только дом с садом, но и несколько сотен гектаров леса и предгорной полосы. Это большой куш. Жаль, если мальчишка сломается и отдаст это место.

Опять же, старик Стенли тоже несколько раз давал от ворот поворот градоначальнику. А у них с ним водились более дружественные отношения. Как, впрочем, и у самого Френки. Если бы не старший Стенли, не занимал бы он сейчас кресло шерифа. Приехал молодой, спесивый, и никто не хотел воспринимать его всерьёз. Но жизнь свела его с весёлым магом, который поверил. Дал возможность работать и выбиться в люди. Сначала маленькое сыскное агентство, а потом и пост руководителя отдела по уголовным делам в полиции, а дальше педантичный паренёк быстро влетел наверх и набрался наглости там удержаться.

Глава

7

Элис проснулась от грохота над головой. Она хотела взвыть и накрыться подушкой. Старый камердинер отца, Юст, страдал приступами бессонницы и пытался заразить ей всех домохозяев. Особенно в лунные ночи, тут ведьма его подозревала в оборотничестве, он наводил порядок то на чердаке, то в подвалах. При этом так противно двигая мебель, что паркет разрывался предсмертными стонами. Она и сейчас была готова благословить старика на долгие годы жизни, но вспомнила, что спит во флигеле поместья Стенли.

Она села в постели и хмуро осмотрелась. Мало того, что день получился паршивенький, так ещё и ночь приказала долго жить. Откинула одеяло и коснулась босыми ногами холодного пола. Прикосновение отрезвило. А как этой трезвости не хватало при разговоре с магом. Она сама от себя не ожидала такого бессмысленного нахальства. А уж про то, что флиртowała с этим самым магом, лучше не вспоминать. Не иначе, как свежий воздух по мозгам ударил.

Последовало еще два удара. Девушка замерла не в силах понять, что происходит. Аккуратно приоткрыла дверь в приемную и пригасила светлячков. Прижимаясь к книжным полкам, она прокралась до окна. В саду было тихо. Только фонарики горели. В следующий миг она заметила две тёмные фигуры, которые тащили какой-то здоровенный ящик по главной лестнице. Вовнутрь.

Воры? Они обычно выносят, а не доставляют. Неужели хозяин дома не услышал. А вдруг не услышал? Уехал в город или заперся в лаборатории. А Гретта? У неё комната в другом крыле дома. Но хоть кто-нибудь же должен проснуться от такого шума. Хотя, вот «кто-нибудь» как раз проснулся. Девушка убрала свет в приемной и приблизилась к окну. Да что за люди?

Решив, что у неё как минимум есть колдовство и ещё два флакона с парализующим зельем, она на цыпочках вернулась в спальню, стянула со спинки халат, накинула на плечи и, стараясь как можно меньше шуметь, отперла потайной ход. Встала в комнате и прислушалась. Разговоров в доме не было, но с улицы доносились голоса. Она рискнула и надавила на замок. Темноту прорезал тонкий лучик света от настенных светлячков. Ведьма выдохнула и, прося дверные петли не скрипеть, просочилась под лестницу.

То и дело выглядывая из-за последней, она смогла узнать в одной из тёмных фигур своего нанимателя. Он стоял ближе ко входу и, жестикулируя, говорил. Второй, незнакомый, присел на ящик и вытащил трубку. Ведьме очень хотелось узнать, что происходит, но выходить, грозно уперев руки в бока, как селянская девка, не стоило. Она трижды дернула себя за левое ухо, с силой сжала аквамарин в сережке. Звуки стали понятней, но все равно можно было угадать только обрывки фраз. А чужак уже закурил трубку и доказывал что-то хозяину. Элис прижалась спиной к лестнице, прячась в ее тени.

– Ты меня достал Грегори, – громогласно взвыл незнакомый голос. Девушка высунула нос. – Сколько раз я тебя просил сделать вход с лаборатории. Моя спина слишком стара, чтобы таскать тяжести по лестнице.

– Если ты будешь приезжать и каждый раз сгружать под дверь лаборатории свой мусор, кто-нибудь о чем-нибудь догадается.

– Мусор? – возмутился незнакомец. – Побойся богов, кто ж так говорит?

– Отдохнул? – нетерпеливо спросил хозяин. – Пошли дальше тащить.

– Ты меня в гроб вгонишь! – огорошил мужик, выстукивая трубку об угол ящика. – Погоди, погоди. Сейчас старина Френк вынесет груз...

Какой груз? О чем они вообще? И почему это все происходит ночью? Мужчины стали отдаляться и Элис поняла, что ей надо приблизиться, чтобы хоть что-то слышать. Она, попеременно ругая себя последними словами из лексикона тетушкиной дуэньи, на цыпочках перебежала за входную дверь и уперлась носом в щель возле массивных железных петель. Разговора по-прежнему не было слышно и вообще хоть чего-нибудь. Она вдавливалась спиной в тёплые стены дома, пытаясь слиться с атмосферой. Не выдержала и, скрежетнув ногтями по толстому дереву, потянула полотно на себя, чтобы просвет косяка стал шире. На пороге никого не было. Только ящик на верхней ступени.

Со стороны конюшни послышался скрип открываемых дверей. Приглушённые голоса и шелест гравийной дорожки. Элис пожалела, что ей никогда не давалась стихия воздуха. Все это ересь, что чародеям подвластны все четыре элемента. Врут. Каждый колдун выбирает что-то одно для себя. Это не говорит о том, что Алисии вовсе ничего неподвластно кроме земли. Просто свить непробиваемый полог из корней дуба, заставить плодоносить яблони и разбудить

побег орешника ей проще, чем поднять водную петлю или, как сейчас, поиграть с направлением ветра, чтобы он приносил слова мужчин. Наконец возмутители спокойствия приблизились к каменной лестнице, ведя на поводу лошадь с телегой. Девушка замерла, забыла как дышать.

– Нет, так не пойдёт, – пропыхтел седовласый, поднимая ближний к телеге край. – Я слишком стар для этого дерьма, Грегори.

– Не отвлекайся, а то уронишь, – не успел проговорить хозяин дома, как его напарник охнул, одной рукой схватился за спину. Угол ящика по инерции дёрнулся вперёд, маг потерял равновесие и тоже выпустил ношу из рук. Раздался грохот. Домовина катилась с лестницы, как осадное бревно, запущенное рыцарским орденом в дверь женского монастыря, норовя сбить несколько яблонь, но на последней ступеньке она игриво подпрыгнула и шмякнулась прямо под копыта лошади. Бедная животина протяжно всхрапнула и ударила копытом по крышке. Последняя от такого надругательства отскочила в сторону и явила на свет труп в белом саване.

Ведьма опешила. Маг бросился к подельнику, стараясь его сильно не дёргать. Белобрысый матерился на все лады и угрожал нерадивому чародею все руки оборвать. Элис прикинула, что вляпалась в то, что предпочитают мухи, но не пчёлы. Мужчины порешали между собой, что обезболивающее заклинание снимет приступ и пошли поднимать гроб. Крышка неудачно приземлилась и разлетелась на две части, но маг умудрился вложить ее в пазы и прихлопнуть.

– Ты уверен, что справишься без моей помощи? – спросил Грегори, наблюдая за взгромождением на лошадь.

– Да чего тут справляться? – кряхтя, пробормотал подельник. – Доеду до ближайшего оврага, да спихну покойницу. Всего-то делов.

Элис отмерла и поняла, что надо уходить. Она не слышала дальнейшего разговора, просто мышью перебежала холл и нырнула в темноту спасительного хода. В приемной она заозиралась по сторонам, пытаясь сложить воедино кусочки головоломки. То есть сейчас она видела... Под покровом ночи ее наниматель и какой-то мужик вывозили труп девушки в заколоченном ящике. Но откуда этот труп у ее нанимателя? И почему втихаря? Что, демон разбери, происходит?

Она только что видела труп девушки... Труп!!! Да твою ж... Ее наниматель – тайный убийца, или сектант, или некромант, или кто? Какого мракобеса у него в подвалах лежат покойники? Боги, к кому она попала? Надо тикать из этого места и побыстрее.

Глава 8

Светлячок, как сигнальный факел, таскался за Элис. Девушка мерила шагами спальню, потом спохватилась, что свет может выдать, что она не спит, и тогда... А что тогда? Она не решила, но потушила солнечный всполох. Сразу же поплатилась за это, больно стукнувшись мизинцем об ножку кресла. Прыгая на одной ноге, она вернулась в приемную, проверила дверь, подперла потайной ход одним из стульев для посетителей, а сверху взгромоздила кувшин с ромашками. Вернулась в спальню, распахнула шкаф и задумалась. С одной стороны, лететь через все королевство на метле – идея для отчаянных. С другой... А что она разнервничалась? Ну подумаешь, труп... Наниматель все-таки маг, вдруг у него работа такая... Наверно, специфическая. И нашла бы из-за чего паниковать, за своё детство она этих умерших насмотрелась, что любой некромант от зависти удавится на собственных подтяжках. Работа отца всегда подразумевала некую связь не с самыми приятными моментами, и ей с матерью часто приходилось бывать в Департаменте Безопасности, а там с чем только не столкнёшься. Но вопрос: «что делать с чокнутым магом?» оставался открытым. Стоило нормально спросить напрямую, но женская мнительность, вкупе с фантазией, всегда ставила подножки прекрасной половине человечества. Тем более они не настолько близки, хотя после вечернего, ближе, чем этот хмурый брюнет у Элис был только ее жених.

Чародейка вновь вышла из спальни и на этот раз налетела в темноте на картотечный шкаф. Помянула треклятых магов до седьмого колена, пожелала быть всегда в близких отношениях со всеми родственниками и благословила на безбедную жизнь. Последнее было коварнее всего, ибо сроки этой жизни Элис потрудились уточнить.

Самым банальным и закономерным, до чего девушка додумалась, было признание ее нанимателя некромантом. Но вот беда, в естественной среде она «поцелованных смертью» не встречала, и воображение рисовало картину жилища с поднятыми умертвиями вместо живой прислуги, под потолком там летали призраки безвременно почивших сородичей, а в подвалах стояли истлевшие скелеты. Она видела в этом доме почти все, кроме нижнего этажа, и это наталкивало на определённые мысли. Но и в противоречие этой стройной теории было то, что магов смерти ничтожность мало, из сотни один или два. Ведьма сомневалась в своей удачливости напороться на представителя именно этого дара. Тогда опять... Что хозяин поместья делал сегодня ночью?

Алисия устроилась в кресле, что смотрело на входную дверь, запахнула халат. Она перебирала в памяти рассказ пожилой экономки, как рябиновые ягоды на нитке, пытаясь ухватить ту самую, что даст подсказку. Если мужчина служил после академии в Департаменте Безопасности, значит, это была Высшая Академия магии, которую курирует корона. Она и обязует своих выпускников, без разницы какого сословия, формы обучения и принадлежности дара, отработать несколько лет на государственной службе. Если Грегори служил, то все сходится. Элис попыталась припомнить списки факультетов: целители, боевые маги, артефакторы... Некроманты, экзорцисты, демонологи настолько редко встречаются, что идут к боевикам, а свой дар они развивают факультативно, с личными наставниками. И это опять ничего не даёт.

Ведьма зашла с другой стороны... Она вернулась в кабинет нанимателя и припомнила свои чувства, когда его сила спеленала блондина. Вкус крови и пепла... Опасный. Непонятный. Но не вызывающий страх или боль. Ей почему-то казалось, что дар мага смерти должен обязательно отталкивать. Как есть на самом деле, она сможет узнать, только напрямую спросив мужчину.

В догадках и коварных замыслах девушка не заметила, как вытянула ноги, устроилась поудобнее в кресле и стала придремывать. Она не была трусихой, всего лишь благоразумно опасалась, поэтому и не стала возвращаться в постель. А утром обнаружила себя в неподобающей позе с вывернутыми ногами, которые успела закинуть на подлокотник, и укрытая халатом. Ладно бы она одна была. Но маг, так сноровисто спускавший ночью гроб, стоял над ней. И смеялся.

– Элис, – руку обожгло огнём, когда мужчина легонько прикоснулся к запястью. Он улыбался и старался не сорваться на громогласный хохот.

По утрам Алисия представляла образец традиционной ведьмы: злобная, с всклокоченными волосами, только метлы под рукой не хватало. Но сегодня она повела себя поистине, как высокородная девица при виде незнакомого конюха в своём будуаре. Она завизжала. Маг скривился, но руку не отпустил. Его наличие в апартаментах девушки было неправильным. Элис даже попыталась вскочить и ретироваться в спальню. Но дала себе мысленную затрещину: какая она чародейка, если ее может смутить неурочно появившийся работодатель. Поэтому, откинув ненужный халат, он все равно не скрывал ничего, а лишь подчёркивал это кружевное безобразие, прозванное матушкой ночной сорочкой, она потянулась. Масштаб затёкшего тела не порадовал, филей был напрочь лишён чувствительности, а шею ломило.

– Ты всегда по утрам такая странная? – спросил Грегори, разглядывая ее с сомнением. От девушки не укрылось, что он оценил и приятного размера грудь, и длинные ноги, которые аж до бедра были оголены.

– Ты хотел сказать – страстная? – переспросила Элис, все-таки вернув халат на плечи.

– Да нет... – он нашёл силы отвести от неё свои темные глаза с огненными искрами в зрачках.

– Просто не люблю, когда меня лапают, – соизволила ответить и уколоть ведьма.

– А что любишь? – теперь он смотрел с интересом. Алисия тоже посмотрела. Оценила узкие брюки, которые подчеркивали... В общем, все подчеркивали. И рубашку, что небрежно пренебрегала верхними пуговицами.

– Чай с розмарином, – ответила девушка, ещё раз зевнув и скрывшись за дверью.

– Тогда у тебя двадцать минут до завтрака.

Алисия показала язык стене. Предположительно там, где сидел мужчина. Сбежать на метле она всегда успеет, а вот верить в то, что отцу не хватит фантазии переслать ее в глушь, без одного жалкого телепорта и с выдранными прутьями из хвоста лётного средства, не стоило. Поэтому будет ассистентом при аптекарской лавке, и тут ещё надо посмотреть кто ужаснее: маг с перспективной некромантией, или ведьма с магнитом для неприятностей.

Глава 9

Ведьма вернулась в приемную через час. За это время Грегори попытался найти причины ее сна в кресле, но мужская логика перед женской фантазией была бессильна. Он плюнул на это дело и, позвав горничную, попросил завтрак принести сюда, потому что в утреннем чае он нуждался сейчас сильнее, чем прижимистый дракон в ещё одном комплекте рыцарских доспехов.

– Ты опоздала на час, – заметил Стенли, размешивая сахар в кофе, противно бряцая ложкой по краям кружки.

– Я непунктуальна, – безразлично сказала Элис и присела напротив. На ней было синее платье с корсетом и треугольным вырезом, который провокационно подчеркивал грудь. Он пришёл к выводу, что эта девчонка всем своим видом склоняет к греху.

– Мы же договорились честно сотрудничать, – с укором заметил некромант и понял, что ножа для масла у него вдруг не оказалось. Они оба прятались под салфеткой у ведьмы.

– Поэтому я тебе честно и говорю, что непунктуальна. – Она умела так же противно дребезжать чайной ложкой. Он хмыкнул и потянулся вытряхнуть один из столовых приборов. Салфетку отодвинули. Еще раз помянув женскую логику, маг попросил:

– Нож...

Элис сменилась в лице, но потом, взяв под контроль эмоции, елевым голосом процедила:

– Позволь за тобой поухаживать, – и вырвала из его рук тост. Он хмыкнул. Действительно, очень странная ведьма.

Но вместе со странностями она оказалась очень сведущей в работе аптекарской лавки. Грегори и сам не понимал, зачем до сих пор поддерживал работу этой идеи. Его покойная супруга была лекарем, и тогда это имело смысл. Но после ее ухода, у него не нашлось сил плюнуть и забыть, предать забвению то, над чем работала Эмили, и он, спустя рукава, продолжал, как по инерции, варить самые нужные эликсиры. Хотя зельевар из некроманта, как монахиня из ведьмы. И он почувствовал какое-то иррациональное раздражение на эту девчонку за то, что она сейчас здесь, разбросала вещи, трогает своими ведьмовскими пальцами старые списки зелий, что принадлежали его супруге. За то, что она не подозревает насколько ему невыносимо тут находиться. Тяжелее даже, чем в спальне жены.

Он стал вдовцом в двадцать четыре. А женился в девятнадцать. На юной девушке с факультета целителей. Они вместе учились, проходили государственную службу, он – в Департаменте, она – в королевской лечебнице. А потом...

Грегори отвернулся от Алисии, которая вытащила с полки сборник заветов, что хранила его покойная супруга здесь по привычке. Она вообще не страдала любовью к порядку, была хаотична и увлечена, всегда забывала, где оставила любимые туфли: в поместье или в столичном доме. Она была несобранной и рассеянной, но только не с пациентами. Ей пророчили великое будущее и место при дворе, если бы не фатальная случайность.

Вспышка сизой лихорадки где-то на границе королевства. И его Эмили, самая талантливая, упёртая и немного самонадеянная, выступила добровольцем. Если бы он не был в патруле, он бы отговорил, запретил. Но...

Он нашёл ее через четыре недели. В безымянной могиле, ограждённой ветками остролиста. Сизая лихорадка не смертельна, если вовремя заметить первые признаки, но через две недели она начинает пожирать тело изнутри, первыми отказывают легкие, а потом почки, последним сдаётся сердце. Она губит и простых людей и магов, и не существует какого-либо

иммунитета. Он опоздал на семь дней. Он бы успел ее вытащить, погрузить в стазис, выкорчевать из тела заразу, но он был в патруле.

Три года траура, два из которых – на восточной границе, в качестве добровольца с теми, кто задавливал смуту.

Перестал ли он себя винить? Нет. Никогда не перестанет. И то, что он вернулся к жизни, не даёт ему право жить. Он просто перестал привлекать внимание. Это тяжело, когда рядом человек, который хоронит себя заживо, и это – эгоизм, продолжать упиваться своим горем, заставляя всех рядом страдать от уже его медленной смерти.

Ведьма взвизгнула и Стенли вздрогнул, словно выдернутый из сна. Девушка трясла рукой и поминала всех демонов последними словами за то, что не уберегли от коварной дверцы шкафа, придавив ею указательный палец.

– Мисс, не стоит выражаться такими словами, – пожурил мужчина, но девушка не оценила и, вытащив кончик пальца изо рта, с вызовом отрапортовала:

– Мисс надлежит хлопнуться в обморок при слове «задница», но истинная ведьма с энтузиазмом обычно в неё лезет.

Мужчина усмехнулся и перестал отвлекать чародейку от работы. Она, в очень собственнической манере, перебирала доходные книги, расставляла по полкам склянки с переливающимися жидкостями. Маг встал и вытащил с полки ещё один сборник. Он был значительно тоньше предыдущего. Ведьмочка с усердием промокашки стала читать и его. А через пару часов мужчина уже не видел своей визави из-за стопок с журналами и книгами. Она что-то бурчала под нос. Трижды пересчитала все склянки с зельями, убрала в заговоренный шкаф.

Последний прилегал к книжной полке и закрывался двевцами с непрозрачным стеклом. Мужчина дал девушке ключ-привязку, и она стала хозяйничать, как у себя дома. Пару раз пыталась отхлебнуть холодного чая. Но в итоге сходила с кофейником в ванну и принесла холодной воды. Краснея, попросила нагреть. Брюнет оказал такую милость, все же помимо некромантии у него в арсенале было множество заклинаний. А когда вода вскипела, она надёрнула из холщовой сумки с сорняками каких-то травок и закинула в воду.

По приемной разлился пряный аромат ромашки и мяты. Причём непонятно было, колдовала она над напитком или это все само. Разливать травяной отвар по чашкам было доверено ему. А девушка, балансируя на стуле, тянулась ещё к одной приходской книге. Когда достала, там и присела, что-то выписывая в свою кипу листков. Несколько раз натыкалась на стойку, пытаясь добраться до нужных рукописей. Спотыкалась о ковёр. Испачкала руки чернилами. Было в ней нечто такое, присущее только сумасшедшим ученым, какая-то упоительная тяга к знаниям. И этот образ никак не вязался с тем, какой приложили в описании ее злодеяний к письму. Не верилось.

От созерцания увлечённой девушки Грегори отвлёк дверной колокольчик. Обернулся и увидел на пороге светлокую девушку с пепельными волосами, которые были закручены в милые кудряшки. Нежно-фиалковое платье дополнял ажурный зонтик на левой руке.

– Грегори, милый, – девушка очаровательно улыбнулась и протянула руку для поцелуя. – Безумно рада тебя видеть...

– Взаимно, Хлоя, – он поклонился и поднёс ее тонкую ручку к губам. – Ты ко мне по делу?

Девушка капризно надула губки. Хлоя Бернар, старшая дочь градоправителя. Очаровательно-коварная юная леди, в которой смешалась внешность небожителя с характером демона. Она была упоительно красивой. Даже не так, весь ее образ от милых кудряшек до ажурных чулок был направлен только на одно желание – добиваться своего любой ценой. Она была младше Грегори. И в свои двадцать шесть – ещё не замужем. Многие считали это плохим знаком, а сама блондинка всегда настаивала на том, что хочет чего-то большего, чем жизнь в этом захолустье. Но герцоги и графы не часто заезжали, поэтому и сидела девушка с большим приданым возле папеньки.

– Неужели ты считаешь, что я могу приехать только по делу? – она хлопнула ресницами и кокетливо улыбнулась. – А как же пообщаться, на лошадях покататься? Ты так давно не приезжал в гости...

Тут взгляд блондинки зацепился за ведьму, которая, привстав на цыпочки на стуле, тянулась убрать журнал на полку. Из-за неустойчивости девушка балансировала и не замечала, как из-под платья выглядывали пышные нижние юбки. Брови градоправительской дочки взлетели к середине лба, а взгляд стал такой... прищуренный.

Элис же, пятясь задом, спрыгнула со стула и уперлась взглядом в посетительницу. Губы ее искривились в усмешке, и она уже явно собиралась сморозить пакость, но блондинка успела первой:

– Милый Грегори, а разве твоя помощница не знает, как нужно приветствовать благородную леди? – протянула со злорадством.

Вот в этот момент Стенли осознал, что, несмотря на его формальное присутствие в разговоре, он тут будет лишним. Надо было как-то сгладить острый угол назревающего недопонимания, но ведьма опередила. Всего миг и Элис уже стояла с таким видом, что была готова голыми руками схватить ежа, выбить вампиру зубы, толкнуть гномью перекупщику килограмм ромашки по цене отборной белладонны, ощипать гриву единорогу и навтыкать этих волос в задницу дракону. Иными словами, ведьма вышла на тропу женской войны.

– Не знает, – вскинув в усмешке левую бровь, сказала Элис, и сложила руки на груди. – Может быть, просветите?

– С удовольствием, – так же ехидно отозвалась Хлоя. – В присутствии благородной леди надо поклониться и сказать приветствие госпоже баронессе. Неплохо ещё и книксен сделать.

– Ох, благодарю сердечно, – положив руку на грудь, оскалилась ведьма. – Буду знать, а то мои слуги вечно: «Госпожа герцогиня... Госпожа герцогиня...». И в ноги падают.

Хлоя пошла красными пятнами, а ведьма еще глумливее растянула губы в улыбке и собралась что-то добавить, но Грегори перебил:

– Элис, сходи на кухню, прикажи подавать через час обед... – девица вскинув бровь ещё раз, послушно прошла мимо блондинки, на каких-то пару сантиметров не столкнувшись с ней и, громко бухнув дверью, удалилась.

– Грегори, твоя помощница невероятная хамка, – в преддверии надвигающейся истерики, процедила блондинка. – Тебе надо срочно от неё избавиться. Она будет тебя позорить...

– Хлоя... – мысленно закатив глаза, начал маг. – Девочка здесь первый день, она молода и непосредственна. Это всего лишь издержки возраста.

А вот это он зря. Блондинка вспыхнула, словно получила камнем в свой огород. Нельзя при женщинах упоминать о возрасте, хоть он и не хотел задеть собеседницу, но это у него получилось. Девушка отвела глаза, которыми готова была испепелить и его, и весь дом.

– Через несколько недель благотворительный бал для сиротских домов, – снова медово замурлыкала посетительница. – А ты так и не отписался отцу – ждать тебя или нет.

– Ну какой бал? – устало спросил маг. – Я не понимаю этих мероприятий, и если так нужно мое участие, я просто выпишу чек для сирот.

– Но это же культурная жизнь города, а ты избегаешь ее, – завела старую песню блондинка. – Мы все тебя с удовольствием будем ждать...

А подтекстом в ее глазах читалось: «Я – в особенности».

Глава 10

Обед проходил в атмосфере полной обреченности. Одному было совестно за белобрысую нахалку. Другая же никак не могла понять чего ожидать от мага. Она все утро переваривала ночное происшествие. Даже прятала от нанимателя все острые предметы. Потом, правда, осознала, что он наделён силой и, если уж захочет прикопать в кустах шиповника одну вредную ведьму, то ему не нужно будет пачкать руки кровью. От такого потрясения ее не мог бы отвлечь ни приход свящённой паствы, ни демонопоклонники. У Элис в голове не укладывалось, что вот этот саркастичный мужчина, с переливами огня в чёрных глазах, может быть убийцей. Не вязался образ сумасшедшего с его манерами, голосом, жестами. С его отношением к ней, незнакомой капризной девчонке. В какой-то момент она позволила разуму уговорить себя, что он – либо гробовщик, либо некромант. И сейчас, в большой столовой, она бросала несмелые взгляды, чтобы получше рассмотреть и, возможно, наткнуться на рациональную мысль.

К тринадцати годам Элис стала ощущать несвойственное ей томление в груди, кое девица непорочная и целомудренная назвала тягой к приключениям, хотя по намекам тётки Кло, это не в груди томилось, а в заднице свербело. Вот и сейчас она не могла усидеть, потому что там не то, что свербело, там просто маршировало. И это были не глисты, а старые добрые неприятности. Когда мужчина отложил приборы, Элис вскинула голову и, запнувшись, сказала:

– Грегори, – тут язык сделал кульбит, в голове называть имя хозяина поместья не было настолько личным, – отвези меня в город.

Маг вытер пальцы о салфетку и бросил ее возле тарелки, а потом выжидательно посмотрел. И девушка ощутила лёгкий холодок. Такой наниматель ей не нравился. Он сегодня очень странный, пришёл в хорошем настроении, и словно каждая минута пребывания во флигеле вытягивала из него все эмоции. Она заметила это на этапе ромашкового чая, с каким безразличием он кастовал заклинание. Алисия снова попыталась распознать принадлежность силы, но он выплетал узор настолько машинально, что ни капли не оступись и не дал силе колыхнуться через края.

– Ты во мне увидела джина? – он встал из-за стола.

– Нет... К чему вопрос?

– Я похож на ифрита?

– Не понимаю тебя... – пробормотала девушка, отодвигая стул и, расправляя подол платья. – Мне нужно в город...

– Раз нужно – попроси! – резко выдохнул мужчина. – Или тебе врождённое ведьмовское хамство не позволяет быть к людям хоть немного добрее?

Это сейчас говорит человек, который спустил всех собак за недостаточную почтительность в просьбе? Нет. Алисия тоже хороша. Но она бы точно ещё раз спросила и отблагодарила, а не замерла возле стола в неудобной позе и не проводила ровную спину нанимателя. Всё-таки у самых дверей он окинул ее взглядом, в котором читалось: «Сожгу ведьму к демонам и без всякого очистительного костра».

Через четверть часа Элис накрутила себя и свои нервы так, что можно было из них сворачивать корабельные канаты. Каков наглец! Это ее любимое занятие: доводить нервных. Да она даже демона до пентаграммы доведёт, ровно как и священнослужителя – до срыва.

Девушка вылетела из столовой, в которой все это время предавалась ментальной мести, хотя, вот какое ей дело, будто бы ничему получше предаться невозможно? Но, тем не менее, ведьма, что оставила поле боя за противником, это не ведьма, а крестная фея. А Элис никогда не шли ажурные платья. Она заскочила в кабинет нанимателя без стука, с грацией обожравшегося дракона после налёта на третье селенье. Только и успела прокричать:

– Грегори, мы же... – и осеклась, когда увидела мужчину в короткой клетчатой юбке. Зажмурилась, пытаюсь развидеть. Маг побагровел и заорал:

– А стучаться не учили?! – при этом он отчаянно пытался прикрыть причинное место руками, хотя там как бы покоилась юбка, и ничего предосудительного не выглядывало. В попытке ретироваться, Элис шагнула назад и хлопнула дверью. Весь запал демонам за рога!

Хотелось расхохотаться. Она понимала, что не стоит так рьяно выказывать свою радость, но поделаться с всхлипами, что рвались наружу, ничего не могла. Проклятая дверь, что отделяла ее от мужчины, боднула в спину. А потом сварливый голос мага выдал:

– Заходи уже.

Дважды приглашать не пришлось. Мужчина был все также в юбке. Элис смерила его очень оценивающим взглядом. Почему-то ей казалось, что в таком облике любой представитель мужского рода будет выглядеть посмешищем. Но магу удалось не только сохранить самоуважение, он ещё и наблюдал за ней с насмешливой ухмылкой.

– Интересная юбочка, – решила сбить спесь ведьма, умащиваясь в кресло, – дашь поносить?

Гневно сверкнули чёрные глаза. Сейчас Алисия не видела в мужчине того ночного мужика, который таскал трупы и того надменного мага, что отчитывал ее за обедом. Не видела, и поэтому провоцировала. Это было похоже на скольжение по глади только что замерзшего озера. Лёд не окреп, одно неловкое движение, и ты с криком провалишься в обжигающе мерзлую воду. Это будоражило. И лишало чувства самосохранения. А ещё приличий.

– Дам, – лукаво прищурился Грегори и шагнул навстречу, присел на край стола, упёрся ладонями в столешницу и, склонив голову на бок, продолжил, – если под этой «юбочкой» на тебе не будет белья.

– Договорились, – сверкнув зубами, протянула Элис, – если только на тебе, в это время, ничего кроме белья не будет...

Ее одарили таким взглядом, что сердце истерично стукнулось в рёбра. Стукнулось, замерло и разогнало кровь. Стало душно. Как пламенный кнут лизнул по телу. Застыл на мгновение на ключицах, шагнул за ворот платья. Ведьме хотелось верить, что то, как она заерзала, не будет столь открыто видно. Но вскинутая бровь не оставила сомнений: мужчина все заметил.

– К слову, это килт... – протянул он, и огладил щетину на подбородке, нахально сверкнув улыбкой. От неё дышать стало ещё труднее, непонятное чувство внизу живота разрасталось огненным цветком и разливалось по венам. – Несколько раз в год мы со студенческими друзьями собираемся. И у нас есть правило, что один из нас задаёт тему вечера. Этот раз выбор пал на горские наряды. Сегодня с утра я не заметил посылку, а потом решил примерить.

Она прослушала, что он там дальше говорил. Слов было не разобрать, а голос... Вот в чем проблема! Его голос обволакивал, затягивал, заставлял сосредоточиться на тембре, хрипотце. На том, как маг приглушал звуки на окончаниях предложений.

Элис сама себя мысленно трянула за плечи. Растеклась тут лужицей. «Ты тут права свободных чародеек пришла отстаивать!». Она не понимала, почему этот мужчина так странно на неё воздействует. Вчера, во время разговора, она бессовестно его провоцировала. Сейчас, опять-таки. И ведь ни капельки не устрашают мысли, что он может быть каким-нибудь маньяком, что проводит свои ритуалы при свете луны. Ее мозг отказывался в это верить. Он шептал, чтобы девушка облизнула губы, подалась вперед, прогнувшись в спине, и провела ладонью по шее.

– Какие наряды выбирал ты? – голос глухой, как после долгого полёта метле. И язык напрочь не хочет слушаться. Она касается губ, которые пересохли.

– Друидские... – он замечает ее состояние, и в глазах начинают искриться блики пламени.

Грегори наклоняется и подбирает с пола оброненный ремень, мимолётом, вскользь, задевает тыльной стороной ладони ее предплечье, и Алисия вздрагивает от резкой, как обоюдоост-

рый клинок, волны жара. Казалось, словно в доме внезапно растопили все камины. Воздух стал тяжёлым и обжигал легкие. Она судорожно вздохнула, отчего платье неприлично натянулось в области груди, сдавливая ее тисками.

«Нет, нет, нет! Соберись! Ты пришла поставить этого зазнайку на место. Или...»

– Грегори, – кресло отодвигается и Элис встаёт возле окна, чтобы не сталкиваться с мужчиной взглядом, – в твоей лавке нет многих ингредиентов. А половина запасов настолько непригодна, что их можно вместо ядов использовать. Поверь, как специалисту...

Мужчина молчит и не подходит. Она только слышит его размеренное дыхание. Видимо ему вся эта ситуация, либо подняла настроение и он успокоился, либо просто изначально не нервничал.

– Поэтому, – тут она туго сглотнула комок в горле. Попросить. Такое простое слово, но не для тех, кто привык требовать. – Грегори...

– Да... – мягко отзывается маг, оказываясь непозволительно близко, и его слова щекочут шею.

– Пожалуйста, – выдавила девушка, чуть не откусив язык. – Нам надо в город...

– Видишь, это не так и сложно...

Конечно. Это ведь не ему пришлось признать вину. И ещё попросить!

– Я не люблю, когда со мной разговаривают в подобном тоне, – он невесомо задевает запястье Элис. – Ты непунктуальна. Я принял это. А ты?

Его пальцы прокладывают дорожку из прикосновений, и это уже не похоже на жест добросердечия. От мыслей, что он может подняться выше, задеть кожу на запястье, дыхание Алисии сбивается, и вместо спокойного ответа получается вымученное:

– Д-да... – он всё-таки приблизился к проступающей венке на внутренней стороне ладони и мимолетно погладил. – Что ты делаешь?

– А на что похоже? – девушка оборачивается и ловит искрящийся смехом взгляд.

– Боги! Ты до сих пор в юбке! Это ни на что не похоже! – ведьма одёргивает манжету платья и разворачивается в сторону двери.

– У тебя проблемы с просьбами, а у меня – с извинениями, – летит в спину. – Прости... за резкость...

Алисия чуть не нырнула носом в ковёр от такого признания, но нашла в себе силы, а может, позаимствовала, чтобы кивнуть в знак согласия.

– И Элис... – Грегори стоит лицом к окну и девушке остаётся только догадываться о том, что оно выражает сейчас. – Ты все же стучись... Хотя, в соседнюю дверь заглядывай без стука.

Она снова кивнула и отгородилась от нанимателя дверным полотном. И только в тишине коридора до неё дошло: соседняя дверь – это спальня хозяина!

Чародейка уже занесла ладонь, чтобы выбить похоронный марш на крышке кое-чьею гроба, но изнутри послышался громогласный хохот.

Глава 11

Маг издевался. Элис поняла это, когда очутилась напротив богатой вывески «Дом модного платья Розенштайн». Она смерила салон скептическим взглядом и обернулась к мужчине, что с довольной физиономией сопровождал ее до порога.

– Я недостаточно одета?

– Ты недостаточно раздета, – не согласился наниматель, глазами стреляя в ее декольте. Первая мысль была прижать руки к груди и нырнуть в карету к склянкам с эссенциями и мешочкам с травами.

А все так хорошо начиналось...

Грегори освободился быстро, и Элис даже не успела переодеться для поездки в город. Не томя его ожиданием, и себя в особенности, она разгладила складки на подоле и направилась к карете. По пути были ничего незначущие разговоры о землях, правлении градоначальника, местных культурах и вся прочая мура и геральдика. Но сам город...

Элис ожидала чего-то большего. Какого-то колорита южных земель, а на деле – обычный городишко каких по стране десятки. Красивая, вымощенная плиткой центральная площадь, ратуша во главе. Чуть поодаль – храм священнослужителей, из белого камня. Фонтан, с противными, плюющимися водой скульптурами. Множество магазинчиков и лавочек. Правда, была шикарная пекарня. Она и заставила девушку по иному взглянуть на достопримечательности.

К юго-западу от площади располагался добротный многооконный дом. Наниматель пояснил, что это – клиника Матильды Грилье. Это здание внушало больше доверия, чем ратуша. Из него выходили женщины в опрятных платьях серого сукна с белыми передниками. А по небольшому саду гуляли пациенты. И атмосфера была возле него такая родная, с ароматами трав и нотками знакомой волшбы.

Севернее располагался промышленный квартал: суконщики, фабриканты, печатные дома. Там были здания глав гильдий. Как пояснил маг, это своеобразный административный центр, две фабрики, а вот мануфактуры были за городом.

Вниз от фонтана, мимо клиники, был квартал Пламенных огней. Это культурная часть города: поэты, музыканты, художники любили покупать или снимать там жильё. В нём имелся небольшой театр, в котором дважды в месяц ставили спектакли. Дом искусств тоже был здесь, юные талантливые дарования поступали сюда и учились по десять лет. А одно такое дарование стояло с мольбертом в тени черемухи и одухотворённо ваяло очередное произведение.

Звякнул колокольчик. Грегори пропустил Элис вперёд и тихо пояснил:

– Через пару недель сюда придёт лето, а твой гардероб излишне «северный»...

Ведьма приняла к сведению обеспокоенность одного мужчины женскими туалетами и коварно ухмыльнулась. В лавке, в главном зале, их встретила молодая опрятная девушка, которая заверила, что платья подобрать можно, но придётся подождать. Тесса Розенштайн сейчас немного занята, но мисс будет интересно скоротать время за чашкой чая и эклерами. Элис в этом сомневалась и была готова вцепиться в рукав мага с ожесточением голодной гиены. Однако, ее наниматель почуял подвох и вовремя вывернулся из захвата, на прощание заверив, что она может себе не отказывать ни в чем. А чародейка и не собиралась!

В комнате ожиданий уже было не свободно. Глубокое мягкое кресло занимала почтенная матрона. Она задремала, и холёная рука, с зажатым в ней мундштуком, свесилась до пола. При каждом всхрапывании кружевное фишю вздрагивало и норовило закрыть нос. Женщина фыркала и сдувала кремовый кусок ткани. По бокам от неё сидели две девушки. Одинаковые.

Близняшки. Различить их можно было только по цвету и фасону платьев. Волосы песчаного оттенка, закрученные в изящные локоны, спадали по тонким аристократичным шеям. Они щебетали о чём-то своём, не обращая внимания на чародейку. Алисию такой расклад устраивал, и когда она попыталась незаметно присесть на козетку, одна из девиц всплеснула руками и уперлась в ведьму взглядом. Щебет усилился и Элис буквально под руки вытащили в кружок по интересам.

Болтушек звали Тина и Мина. Кто из них кто, на первый, второй и двадцатый взгляд запомнить не удалось, поэтому, чтобы не ошибиться, младшая Гордон просто вежливо обращалась к обоим «мисс Престон». У них повадки и движения были идентичными. В процессе расспросов чародейка стала замечать, что они неосознанно копируют друг друга: одна коснулась невесомо подвески шатлена, сестра отзеркалила жест, поправила локон – получила копию.

– Алисия, – фисташковое платье с кружевом, по виду похожее на кремовый десерт, «подало голос», и чародейка заставила себя поднять глаза на собеседницу. – А правда, что вы вчера прокляли сына градоправителя?

Элис задумчиво постучала себя по подбородку, словно решая, стоит ли признаваться.

– Вы не подумайте, – фиалковый цвет второй сестрице к лицу, – мы не сплетни собираем. Просто так неожиданно. Эрик Бернар никогда не выказывал расположения господину Стенли, а вчера вечером видели, что он отбывал к нему в поместье...

– Это уже с утра до нас дошли слухи от камеристки тётушки, – «фисташка» кивнула в сторону родственницы, – дескать, из-за ведьмы... и ее проклятия...

А городок действительно маленький. В таких, даже если и лупят дражайшую супругу от любви большой и неземной, то спустя лучину это становится достоянием общественности. И ведьма не знала как реагировать: сказать правду или закрутить каверзу. Памятуя о противном блондине, девушка покусывала губы и сжимала тонкий фарфор чашки с таким многообещающим захватом, что храпящая тетушка собеседниц заметила бы подвох.

– Понимаете, мисс... – тщательно подбирая слова, начала Элис, – мне крайне неудобно было бы обсуждать такие вопросы без самого господина Бернара, возможно он скрывает свои пристрастия...

Тонкий намёк на грани восприятия. Такой, что говорит о двусмысленности предположений. И любимая племянница тётушки Клотильды слишком хорошо усвоила науку интриги, чтобы не воспользоваться таким случаем.

– Тем более... Отношения господина Стенли и трепетного господина Бернара – это не то, что стоит обсуждать в девичьем обществе... – старая родственница всхрипнула, словно подтверждая: не стоит.

Девушки приоткрыли рты. «Фиалка» закатила глаза в скоропостижном порыве лишиться чувств, но, словив шлёпок по ладони, передумала. Элис внутренне скалилась: уж не ей в этой истории оставаться в пролёте. Пусть теперь блондин отмывается от высокого звания охотника за мужскими сердцами.

– Не хотите ли вы сказать...

– Что вы? О таком не говорят в приличном обществе, – заверила ведьма.

– То есть... – продолжила вторая сестрица, – проклятие – всего лишь предлог, чтобы встретиться...

– О-о-о, – выдохнула первая, – это так романтично...

– Хоть и неприлично, – поддакнула Элис, отпивая чай. Но ее уже не слышали. Собеседницы сразу припомнили странное, нетипичное истинному мужчине поведение, подкрепили это нежеланием жениться и факт, что ни с кем у него не было отношений – тоже прибавился в копилку странностей.

Ведьма сидела счастливая, как инкуб, что отгрыз свою порцию любви запретной и теперь упивался сытостью. Сестрицы щебетали, и это так настраивало на благодушный лад, что девушка сама не заметила, как вновь оказалась втянута в разговор.

– А как же слухи о помолвке Хлои Бернар и господина Стенли? – спросила фиалковая девица, заметно понизив голос, а то престарелая матрона стала подозрительно неравномерно храпеть.

Алисия сжала губы. Не то, чтобы ей было интересно про помолвку своего нанимателя, просто как-то внезапно все оказалось. И ее собственная шутка приняла другой оборот. Неприятненько. Но внешне чародейка старалась не подавать виду, что ей это может быть хоть сколь интересно, просто вскользь проронила:

– Возможно, помолвка всего лишь фиктивная... – девицы согласно закивали и вернулись к знойному блондину, что не переживет, если его мужчина сердца свяжет себя узами брака. Элис в нужных местах кивала, соглашалась, тем самым распалая интерес к нестандартным пристрастиям сына градоправителя. А потом с прискорбием осознала, что пассаж госпожи Бернар сегодня во флигеле лишь намёк на то, что Грегори давно и крепко занят. Что ж. Не больно-то и хотелось.

– Алисия, – шепча больше прежнего, одна из сестёр склонилась над столиком, стараясь говорить как можно тише. – А что вы думаете о своём нанимателе?

– А что я о нем могу думать?

В том, что она подозревает Грегори в подпольной некромантии и ужасном нраве – не стоило озвучивать, поэтому она и юлила, как гюрза под рогатиной.

– Ну, как... – девица замялась и потрепала манжет фисташкового платья. – А вам не страшно с ним жить в одном доме?

Со стороны порядочной девицы должно быть страшно, но оной ведьма перестала быть года эдак четыре назад, поэтому она отрицательно качнула головой и стащила последнюю ягодную корзиночку с блюда.

– А те истории, которые ходят про господина Стенли? – вторая всплеснула руками, и пожилая родственница активно завозилась в кресле. Все притихли, как застуканные подростки с изданием «Любовного искусства Востока».

Про какие истории идёт речь Элис не догадывалась, но любопытство – это не вторая натура любой чародейки, это – ее суть. Чтобы не спугнуть пикантный разговор, младшая Гордон посмотрела на девиц с немым обожанием бездомного щенка, которого пустили погреться в хозяйские покои.

– Три года назад у господина Стенли пропала... – тут она замялась, видимо подбирая благовидный синоним слову «содержанка». – Избранница!

– Актриска, – перебила сестру «фиалка». – Они познакомились в столице и прожили тут пару месяцев, а потом она исчезла. Господин Стенли так убивался...

Девушки наигранно коснулись щёк и, забыв о скорби, продолжили:

– А потом появилась Ванесса... – песочные кудряшки Мины качнулись в такт ее наклону.

– И пропала?

Элис не хотела насмехаться над таким тонким делом, но вид, с которым близняшки рассказывали тайну, не мог оставить равнодушной. Они, как две маленькие девочки с большими глазами делились секретом со взрослой соседкой.

– Сошла с ума!

Громкий шёпот резанул по нервам. И чародейка передернула плечами. Алисия не относилась к той категории женщин, что можно напугать историями о призраках в старом склепе. Но вместе с этим она обладала качеством, губительным для ведьмы – мнительностью. И сейчас ей в голову пришло, что завтра она не только ножи спрячет от Грегори, но и зубочистки.

– Это ужасное событие, – раздался низкий голос из-за спины, так, что все присутствующие вздрогнули. Даже тетушка.

На пороге стояла сухопарая, вся какая-то бумажно-хрупкая женщина с волнистыми волосами цвета огня. Она поджимала карминовые губы и растирала узловатые пальцы. На вид хозяйке ателье, а в том, что это именно она – Элис не сомневалась, было порядка пятидесяти лет. Ухоженная, подтянутая, в выгодно подчёркивающем хрупкость фигуры платье, швея разливала по комнате презрение и холод. Такой, что бывает в стылую осень, когда дожди пропитали землю, и та стала рыхлой, ноздреватой от влажности. Алисия прикрыла глаза, отгоняя от себя сырость увядающего леса. Вздохнула, разбирая на составляющие ароматы: выпечка сладкая, ягодная; чай с душицей; ткани, нити; от девушек – ваниль. Ведьма втянула носом воздух, чтобы ощутить на кончике языка привкус сочной морковной зелени, укропа...

В своей жизни Элис привыкла распознавать людей по запахам, отголоскам эфира, тягучести масел. И ей крайне редко встречались экземпляры, которые можно было запомнить по характерным ароматам яда. Цикуты.

Тесса Розенштайн пригласила близняшек на примерку, и через четверть часа девушки покинули лавку, пригласив на чай чародейку. Их общество было необременительным и легким, поэтому Элис приняла приглашение. А модистка, выпроводив покупателей, выдохнула и спросила:

– Протеже или любовница? – морщинка между бровей разгладилась, и женщина словно скинула десяток лет, сменив маску «серьёзной госпожи» на «усталую швею». Ведьма пригляделась внимательнее к визави и пришла к выводу, что вот люди, которые так быстро и умело перевоплощаются, конечно, заслуживают уважения, но вместе с тем, ни капельки не внушают доверия.

– Ассистентка при аптекарской лавке...

– Проходи, ассистентка, – усмехнувшись, словно намекая, где она видела таких ассистентов, пригласила Госпожа Розенштайн.

Элис хоть и любила наряды, но сейчас они казались такой мелочью, что она скомкано мерила одно за другим платья, выбирая уже из готового, и не ощущала никакого наслаждения. Мерки модистка сняла на случай, если девушка все же решится на нечто особенное. Но даже с готовыми нарядами не все сложилось гладко: где-то подол надо подшить, у некоторых увеличить лиф, поэтому чародейка через полчаса ощутила себя подушечкой для иглолок, а один раз прочувствовала на себе какво это, когда в тебя впивается тонкий металл. Швея извинялась и посетовала на руки, что теперь не как у неё двадцатилетней. К слову, общительностью женщина не страдала. Она с профессионализмом гробовщика, который на своём веку повидал все, механически подбирала подол, подкалывала рукава и, лишь когда помощница стала упаковывать последний туалет, произнесла:

– Сестрицы Престон обожают сплетни, и не стоит верить всему, что они рассказывают.

– Благодарю, – Элис переодевалась в родное платье и только сейчас ощутила настолько оно не похоже на здешнюю моду: более тяжёлое, строгое.

– Но Ванессу действительно жаль... – швея встретила с девушкой взглядом в зеркале и в бесцветных, некогда янтарно-карих глазах скользнула печаль. – И если ты все же боишься...

– А с чего вы взяли, что бояться стоит мне, а не меня?

Элис неотрывно наблюдала в зеркале, как в глазах собеседницы сначала вспыхнула злость, потом понимание и лукавая улыбка коснулась карминовых губ.

– Возможно, ты и права...

Женщина отступает за стол и начинает сворачивать ткани, а дверной колокольчик ябедничает о приходе нового посетителя. Элис не надо было оборачиваться, чтобы понять, что в помещение зашёл маг. Она ощутила огненную дорожку между лопатками. Ее рассматривали. С любопытством. Как глядит на редкую бабочку энтомолог-натуралист. Она передернула

плечами, и атласные ленты на спине натянулись. Не выдержала и повернула голову в сторону двери.

Да. Грегори смотрел. Во взгляде его металась удерживаемая буря. Очень притягательно. Алисия вскинула бровь. Ей ответили лукавым прищуром и закушенной губой. Ее бросило в жар от неприкрытого интереса. Она поправила рукава и, не теряя достоинства, вернулась к зеркалу, потому что понимала – к этому мужчине у неё накопилось слишком много вопросов. Только вот нет уверенности, что все ответы она готова услышать.

Глава 12

– Я увольняюсь!

Элис плюхнулась на диванчик и расправила по обе стороны от себя юбку. Сама себя она видела кошкой, что подобрал добрый мальчик и она, словно прошупывала почву: гадить ли в любимый розарий, или все же за это можно огрести? Уволняться-то она не планировала, но вдруг повезёт.

– Тебе не нравлюсь я, пироги моей экономки или неограниченные возможности моего банковского счёта? – намекнул на карету покупок Грегори и Элис, нет, не усовестилась.

– Я хочу свободы и канарейку.

– Почему канарейку? Ещё недавно ведь была черепаха...

– За невозможностью дать первого, прицениваешься ко второму?

– Ты и так свободна. За два дня, что мы знакомы, не заметил, чтобы ты была чем-то занята.

Неужели этот маг намекнул, что ведьма бездельничает? Знал бы он, сколько сил и чая потрачено, пока она его тайны узнавала. И плевать, что от знания этого ни тепло, ни холодно.

– Я напишу себе рекомендательные письма от твоего имени. Такие, что меня с канарейкой и черепахой везде возьмут.

– Я их не подпишу.

– Подмешаю в утренний чай белладонны, и подпишешь.

– Напомни мне ничего не есть и не пить из рук мастера ядов и противоядий.

– Напомни мне не раскрывать всех карт за игральным столом.

– Учти, если опоишь меня, я сожру эти пасквили.

– Заворот кишок скоропалительно нагрывает.

– Откачаешь.

Маг сложил руки на груди, а чародейка обидно фыркнула, этим выражая сомнения насчёт своих телоспасительных талантов.

– Зачем я тебе, Грегори?

– В жизни любого порядочного мужчины к тридцати годам должна быть жена, содержанка или дама сердца. За неимением этих трёх, я согласен на ведьму, что будет поддерживать меня в тонусе.

– Давай я поддержу тебе ментально? На расстоянии в несколько городов, так сказать?

– А как же острота ощущений?

Элис скривила губы в усмешке, припоминая разговор с сестричками и то, что у выдуманных чувств градоправительского сынка есть вполне живой объект. Что ж, раз жаждет остроты, пусть получает. Ее сегодня ведьма отвечает задаром, на сдачу.

И не то чтобы чародейке не нравился маг. Наоборот. И это как раз было большой проблемой, потому что красивый мужик с тайнами – это почти убойная смесь для любой любопытной натуры. Жаль, что иногда разгадка может сильно разочаровать. Тетушка Клотильда, храни боги ее манеру воспитания, однажды посетовала, что страшнее кавалера с прошлым, может быть только оный без будущего. Так, например, в пятнадцать лет ведьма узнала, что некий барон Палмер любит примерять дамское нижнее белье, кастелян, в летней резиденции Его Величества, настолько чтит монарха, что его портрет висит у подданного в туалете, а эрцгерцог Ведисский любит плетки отнюдь не на конюшне. Тетка с ранних лет готовила Элис ко взрослой жизни, не щадя детскую психику и нервы зятя.

Карета прошуршала по гравийной дорожке и затормозила. Грегори выбрался первым, галантно подавая руку.

– Надумала остаться? – спросил мужчина, усмехаясь и продолжая сжимать ладонь девушки.

– Давай хоть канарейку, – печально согласилась Алисия. У неё и выбора-то особо не было, хотя и теплилась надежда, что ей выдадут вольную.

– Мы не настолько близки для канарейки, – он наклоняется к ведьме, – соглашайся на рыжего наглого кота, что приходит пожрать мышей, как меня заверяет Гретта, а на деле – копчёную свинину.

Больше, чем пламенные речи, жаркие ночи и дорогие подарки – женщин сгубила мужская харизма и юмор. Чтобы вот так, с миной полной серьёзности, нести полную чушь, это вам не дракона за хвост в полёте поймать, тут талант нужно иметь. Пожалуй, не будь вокруг мага столько тайн от трупов до сошедших с ума девиц, Элис бы из кожи вон вылезла, лишь бы вскружить голову такому образчику мужской привлекательности.

На полдороги к флигелю наниматель решил аннулировать все свои привилегии одной фразой:

– Алисия, я бы хотел, чтобы ты была более покладиста в общении с клиентами... – ведьма вздёрнула бровь, которая шептала: «Окстись грешник, а то получишь в лоб метлой». Но гримасы не настолько хорошо удавались девушке. – Мы договорились о сотрудничестве. И одним из его пунктов пусть будет просьба не задираť всяких блондинок...

Похабная улыбка удалась на славу.

– Грегори, Хлоя – твоя невеста?

Почему именно этот вопрос вылетел первым? Нельзя было как-то завуалировано начать расследование?

– Нет, – с сомнением признался хозяин поместья, уже чуя стрихнин в утреннем чае.

– Подруга? – теперь приходилось выкручиваться аки циркачка на веревке в дюжине локтей над землей.

– Нет.

– Клиентка, пациентка?

– Элис, к чему эти вопросы? – самообладание мало иметь, надо ещё уметь им пользоваться, но как успела заметить чародейка, терпение – это не добродетель мужчины.

– Тогда ответь на последний, – она шагнула навстречу, упрямо задирая нос. – Если она тебе никто, почему я должна молча сносить ее оскорбления?

В чёрных зрачках больше не плясали огни смеха, там поселилась холодная расчётливость, и если бы не эпичность момента, то девушка бы переступила с ноги на ногу и разорвала зрительную нить.

– Потому что тебе жить и работать в этом городе, – спокойный голос в признание ее правоты. – Не повторяй моих ошибок, не настройвай людей против себя.

– Иначе что? – с вызовом уточнила наследница рода Гордон.

– Ничего... – он разглядывал ее, словно прикидывая, что проще сделать: уговорить или притопить. – Я не ограничиваю тебя: можешь ругаться, устраивать скандалы, топтать ногами и бросаться древними манускриптами... Но только со мной...

– Настолько в себе уверен? – Элис фыркнула, склонила голову на бок и тоже присмотрелась на предмет утопления. Не одному магу здесь быть ужасом на крыльях ночи.

– Да, – спокойно отозвался мужчина. В его голосе не было бравады, самолюбования или ехидства. Он констатировал факт своей непробиваемости.

– Как скажете, господин маг, – процедила ведьма и сделала ровно то, на что получила дозволение: топнула ногой по гравию, хлопнула дверью флигеля и бросила в нанимателя детским заклятием, что срезает все пуговицы на одежде. А что? Он сам разрешил. И, видимо, от неоцененного счастья разразился многоэтажной тирадой.

Глава 13

Дом спал. Тем протяжным, тяжёлым сном, коим забывается давно больной старик. Каждый вечер он надеется уйти, но сила, воспоминания и давно осточертевшее, больное тело – не дают. И он вздыхает, ворочается на границе сна и яви, измученный и уставший от жизни. Ему тяжело, муторно. Воздух пьянит от ароматов ромашки и опиума. Постель давно отсырела, камин угас и не приносит тепла. От этого толстые ковры на полу, что прикрывают обшарпанные доски, напитываются влагой.

И это было странно. Неправильно.

Любой дом, это его хозяин. Сейчас молодой, сильный, напрочь лишённый угнетений. И почему его душа, что прячется в стенах старого поместья, такая измученная? Почему здесь нет сочной энергетики власти, пряной жизни и запахов силы? Что не так?

Ведьма всегда замечала, что жилище похоже на мага. Даже у отца везде виделись твёрдые стальные нити решительности, аромат железа и крови, порох. Дом был монументальным, приправленным долей снобизма и снисхождения. Он всем говорил, что за человек хранит его стены. А здесь...

Девушка коснулась сырой кладки. Отдёрнула руку в поспешном желании стереть с ладони вязкую плёнку. Что такого произошло с его хозяином, что все пропиталось тоской и горечью? Элис не понимала, как такое возможно, что днём – это простой дом с хрусткими половицами и розанами в кадках, а по ночам – склеп.

Она отогнала от себя загробные ассоциации и шагнула в кухню, где под потолком летали магические светлячки. Все это выдумки, кто говорит, что жилище ведьмы начинается с фамильяра (они стали запрещены Магической Конвенцией о правах недееспособных существ), котла для зелий или хорошего дымохода (к слову, ведьмы этот способ передвижения забросили с момента появления магической телепортации). Настоящий дом чародейки всегда начинается с чашки для чая. Элис уже смирилась, что ей тут оставаться до полного отцовского прощения, что не преминет случиться не ранее чем через полгода, поэтому озадачилась выбором кухонной утвари. В ящике стояло невероятное количество посуды. И мелкие фарфоровые и крупные глиняные. Внимание Алисии привлекла здоровенная, не меньше чем на литр, кружка с надколотым краем, в прозрачной глазури, под которой виднелся настоящий узор серой глины. Она пожалала плечами и вытащила ее.

А потом раздались громкие шаги по холлу. В кухню вошёл хозяин дома. Переодетый ко сну: мягкие широкие штаны и просторная рубашка. Он немного притормозил на пороге, но потом разглядел, что девушка сидит с чаем.

– Это моя кружка, – хрипло уведомил наниматель.

– Могу ее у тебя купить, – сварливо предложила Алисия, наблюдая, как мужчина направляется к чайнику. Ведьма не заметила особой неприязни от мага после ее выходки с пуговицами, поэтому не трудилась казаться милее, чем есть на самом деле.

– Могла бы просто попросить... – предложил он, и девушка сузила глаза. А Грегори, налив чая и поставив чашку на противоположную сторону стола, пошёл к шкафу.

– Мы уже выяснили, что у меня этим проблемы... – все-таки выдавила она, вытягивая шею и пытаясь в потёмках разглядеть – чем там шуршит маг. Если бы он сейчас вытащил с одной из полок здоровенный тесак, призванный резать ехидную чародейку, она бы не удивилась. Но вместо этого на свет появилась жестяная коробка и зажатая в зубах мужчины печенюшка.

– Что? – прохрустел ее наниматель, присаживаясь напротив. – У меня аллергия на имбирь, и Гретта вечно прячет от меня эти пряники.

Элис недоверчиво разглядывала недокормленного аллергика, а потом сама от себя не ожидая, уперлась локтями в стол, привсталала слегка, чтобы оказаться ближе и томно предложила:

– Хочешь эликсирчик тебе сварю... От аллергии?

– Я не настолько стар, чтобы забыть, что ты специализируешься на ядах, – с искрами смеха в серьёзных темных глазах отозвался маг.

– Яды – самая полезная глава в лекарском деле, – наставительно заметила младшая Гордон, возвращаясь на место.

– Может, противоядия?

– Иногда проще дотравить, чем откачать...

Разговор завис, как висельник у хорошего палача: чуток подергивался, но признаков жизни уже не подавал.

Элис все стремилась разгадать тайну своего нанимателя. Да что там, тайну... Ей бы понять, почему он так решителен в плане неё. Ведь проще отослать обратно, высказаться за ее плохой нрав. Ещё проще, просто отпустить на все четыре стороны. Наверно, поэтому она без шуток и смеха просто попросила:

– Отпусти меня... – прозвучало жалобно и как-то совсем по-детски.

– Все же не нравлюсь, – печально резюмировал Стенли и закрыл лицо ладонями.

Девушка из-под ресниц коротко взглянула на Грегори и призналась себе, что нравится. И пугает одновременно. Но симпатия ещё никогда не застилала ей глаза настолько, чтобы притупилось чувство самосохранения, поэтому она и хотела получить хоть какие-то гарантии своей безопасности.

– Элис, прости, но нет, – твёрдо и без вариантов, – как бы мне самому этого не хотелось...

– Что, все же не понравилась? – зло передернула ведьма.

Он отвёл глаза и дёрнул себя за прядь возле уха. Покрутил в ладонях кружку и решил.

– Ну, посмотри на меня, – как-то чересчур бурно выпалил мужчина. – У меня на все поместье десять слуг и те – больше семья. Я сам справлялся с этими зельями и эликсирами. Мне не нужен секретарь. И помощник – тоже. Неужели ты считаешь, что я воспылил желанием заиметь у себя в штате несносную, капризную девчонку?

Чародейка обижено поджала губы на «несносную» и «капризную», но промолчала.

– А если ты... Вот ты не хотела на меня работать, зачем отдала мне конверт с письмом? Почему просто на словах не объяснила? Я не самый хороший человек, но довез бы тебя до телепортационной станции...

– Так в чем проблема? Сделай это сейчас, – девушка снова посмотрела на мага из-под ресниц и заметила как он нервничает.

– А сейчас я уже не могу...

– Почему, Грегори?

– Я подписал магией договор с твоим отцом.

Слова бухнулись в тишину дома. Алисия сидела и переваривала услышанное: то есть ее отец не просто попросил старого друга, он требовал с него заверения, подкреплённые силой. И разорвать их теоретически возможно, но проще дождаться истечения сроков.

– Я могу тебя отпустить только обратно к отцу, все остальное, увы... – он развёл руками. – Я должен гарантировать твою безопасность, а позволить тебе уехать куда заблагорассудится – не могу.

Элис всякое ожидала услышать, но только не это. Не то, что они вдвоём загнанны в магическую ловушку. Но хотя бы за себя можно не опасаться.

– Зачем ты вообще подписал договор?

– Затем, что вчера мы с тобой обо всем договорились, а сегодня ты... Кстати, почему ты передумала?

Потому что ещё вчера чародейка не знала, что господин маг покойниц таскает, потому что вчера ей не рассказали, что от этого мужчины девушки сбегают или сходят с ума. Но вместо всех этих обличительных фактов Алисия проронила:

– Мы с тобой не сработаемся...

Мужчина замолчал. А чародейке стало так неудобно, словно села голой чуйкой неприятностей на ежа. В попытках скрыть нервозность, она отвела глаза, стараясь не соприкоснуться взглядом. Элис хоть и освоила основные приёмы карточного каталы, но столь явно врать собеседнику было на другом уровне шулерства. Или, по крайней мере, визави должен быть незнакомым, тогда ее совесть мирно бы похрапывала.

– Подожди минуту... – Грегори встал из-за стола и быстрым шагом вылетел из кухни. В подсознании сразу всплыли картинки того, как маг сбегал в оружейную за эльфийским арбалетом или ландийским револьвером. Второе предпочтительнее, мороки меньше, первое – эстетичное: Элис, может, мечтала о небанальном упокоении, а что менее банальное, чем двухсотлетнее оружие?

Мужчина вернулся быстро, словно внутри него перевернулись песочные часы и каждая песчинка, как удар сердца, отсчитывала мгновенья. В руках он держал деревянный футляр с выдавленным орнаментом по крышке. Когда маг убрал ее, на мягком бархате, в отдельном углублении для каждого, лежало по пузырьку. С ядом.

Алисия, невесомо касаясь холодного стекла, провела по ним пальцами. Ее любимая белладонна, безвременник, вёх или более распространенное – цикута, клещевина, повилика и волчегородник. Не такая и редкая коллекция. Более того достаточно скудная. Если примесей в составах нет, то на самом деле, всего два представителя являются по-настоящему опасными: первый и третий. Остальные без должной работы хоть и принесут значительный урон организму, но и нейтрализовать их действие возможно.

Девушка обернулась, непонимающе посмотрела на мага и почувствовала его дыхание на своей шее. Он стоял непозволительно близко, склонившись и задевая грудью ее плечо. Заметив, что ведьма перестала заворожено разглядывать подношение, мужчина отодвинулся и, развернувшись, приблизился к буфету со стеклом. Вытащил два одинаковых бокала под крепкий алкоголь. Поставил перед ней и вновь отвернулся к ящикам. В одном из них нашёл бутылку бренди. Плеснул в каждый.

– Ты меня боишься... – Грегори сел напротив и указательными пальцами придвинул бокалы к Элис. – Не доверяешь. Надеюсь, моей веры хватит на нас обоих.

Чародейка опять танцевала пальцами над футляром с ядами, пытаясь расслышать, о чем шепчет запертая в стекле смерть. Но то ли стекло было прочным, то ли девушка глуха на оба уха.

– Выбираешь один из флаконов и добавляешь в один из стаканов, пока я отвернусь... За чём-нибудь отвернусь... А когда вновь буду смотреть тебе в глаза, отопью наугад из любого... Как тебе такая проверка веры?

Он однозначно чокнутый. А сумасшедший маг – это тот ещё подарок. И девицы, что порушили свою жизнь, связавшись с ним, это так, не проблема даже, легкие треволнения. Паника в том, что он напрочь без головы, абсолютно невменяемый. И Элис с ним жить под одной крышей!

– Я не собираюсь помогать тебе в самоубийстве... – она закрывает футляр, все же раздумывая над тем, как ему удалось так быстро разгадать причины ее желания побыстрее сбежать. Не телепат же он, в самом деле.

– Милая, маленькая чародейка... – он коснулся кончика ее носа и как-то совсем потечески попытался прихватить за щеку. Алисия такого произвола не выдержала и отпрянула. – Ты так мало знаешь о смерти и ещё меньше о способах ее. Я всего лишь предлагаю тебе пари.

Хотя нет... Скажем так, тебе достаточно будет того, что я из твоих рук выпью яда? Ещё сегодня днём ты обещала попотчевать меня...

Он открыл футляр и коснулся первого пузырька.

Безусловно, щёлкнуть по носу этого самодовольного мага хотелось невероятно. Но мгновение самоудовольнения – ничто, перед моральной дилеммой: верить или нет. Этот пример как раз решит вопрос доверия мужчины к чародейке, но не наоборот. И все же Алисия решилась. Наклонилась к столу, выбирая склянку. Парящим движением руки извлекла из бархата пузырёк и невзначай попросила:

– Чая ещё не нальёшь?

Стенли понятливо ухмыльнулся и отвернулся к чайнику. В один миг пробка выпустила душистый аромат с терпкой кислинкой на языке. Волчегодник так похож на лавр, что по преданиям стал священным деревом одного из богов, который влюбился в смертную девушку, но последняя, скрываясь от чувств, попросила остальных небожителей обратить ее в дерево, и она стала вечнозелёным неувядающим лавром. Однако, какая издевка судьбы.

Многие путают эти два растения из-за легенды, наделяя первый губительными свойствами именно по предрешению богов, но все проще. Выгонка из растения с продольной листовой и яркими ягодами красного, белого или чёрного цвета – ядовита сама по себе, без мифологии. Попадая в организм человека, начинается рвота и ожог слизистых, потом обезвоживание и, как следствие, некроз тканей внутренних органов.

Когда маг обернулся, о следах преступления говорило только тонкое колыхание бренди и зажатая склянка в ладони девушки. Грегори приблизился к столу вальяжно, склонил голову на бок, словно надеясь разглядеть разницу в жидкостях, а потом быстрым движением забрал левый бокал, поднёс к губам и, глядя поверх стеклянного ободка, спросил:

– Пью?

Элис безразлично пожала плечами и совсем не своим голосом, в котором прорезались хриплые нотки, спокойно ответила:

– Как хочешь...

Мужчина, даже не поморщившись, залпом глотнул напиток. По лицу пробежала тень недоумения. Он провёл языком по нижней губе, распознавая нотки вкуса, но ничего заметить не смог.

Долгое томительное ожидание. Бой часов, что отражался от каменных стен.

– В каком бокале был яд? – хрипло и запоздало спросил Грегори.

Ведьма медленно встала, обошла стол, остановившись напротив мужчины. Сама приблизилась настолько, что непристойный танец показался бы обетом целомудрия. Привстала на носочки, чтобы дотянуться до лица мужчины, втянуть его аромат с нотами соли и ветивера, и выдохнуть в губы, почти касаясь:

– Догадайся... – в ладонь Грегори упала склянка с ядом, которая, как и в начале разговора, была полна.

Девушка медленно шагнула назад.

– Дай мне неделю, – тихо попросил маг. – Не сработаемся, отправлю первым же дирижаблем. Что скажешь?

– Дирижаблем? – уточнила ведьма. То, что они где-то в разработках королевских учёных – давно ходили слухи, но чтобы в маленьком городке. Корона железную дорогу-то прокладывает в лучину по чайной ложке. А тут целый дирижабль. – Их уже выпустили в свет?

– Ради тебя, выпустят, – заверил маг.

– Неделю... – мягко повторила она и, забрав с собой кружку, направилась из кухни.

– Элис, – окликнул Грегори почти на пороге. В руках он держал пузырёк с ядом. – Как мне расценивать твой поступок?

В отблеске магических светлячков жидкость переливалась золотистой дымкой. Ведьма приподняла бровь и серьезным тоном уведомила.

– Не придумывай себе ничего лишнего, у меня просто не было с собой противоядия.

Глава 14

Прошло три дня. Потом ещё четыре. А следом – две недели. И месяц.

Маг и ведьма учились жить по новым правилам. Он – не мешал ей, она – избегала его. Но по вечерам они встречались на кухне. Это стало маленькой традицией. А потом волшебники перебрались в библиотеку. Она – с чаем, он – с бренди. Девушка скидывала туфельки, поджимала ноги под себя в глубоком кресле, замирала с пузатой большой чашкой в руках, вдыхала аромат печенья из жестяной банки. Мужчина снимал со спинки софы шерстяной плед и передавал ей. Сам растягивался на все той же софе, читал книгу и ставил бокал с алкоголем прямо на пол.

Реже всего они хотели говорить. Иногда ей нужно было составлять списки эликсиров, и тогда к чаю присоединялась стопка листов. А он, временами, садился напротив неё в кресло и перебирал какие-то бумаги в папках.

Нечасто девушка сидела в библиотеке одна. А он – не ночевал дома. Уезжал в карете или просто исчезал. И в такие вечера тоже было неплохо, но лучше – с ним. Потому что иногда он засыпал, и тогда ведьме приходилось вставать, набрасывать на мага плед. А ещё слушать дыхание. Возвращаться в кресло, ступая по гладкому ковру, одергивать юбку, чтобы не замерзали ноги.

Как-то днем Гретта принесла в библиотеку ещё несколько пледов, и добавила к коробке с печеньем пару вазочек с конфетами и фруктами в сахаре. Сладости они приняли, а плед продолжили делить.

А ещё он рассказывал сказки. Пару раз. Они были добрыми и немного наивными. Чародейка знала настоящие концовки, но не говорила об этом ему. Не хотела расстраивать. А потом он попросил ее что-нибудь рассказать. Ее сказки были намного реалистичней и грустнее: про двух сестёр, одна, из которых утопила ради женихов другую. Про морскую сирену, что влюбилась в молодого моряка, которому не нужны были ее песни. Там моряк умер, а сирена продолжала петь, разбивая корабли о скалы. После таких сказок он молчал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.